

Блуждающий по вселенным

Автор:

Юрий Иванович

Блуждающий по вселенным

Юрий Иванович

Магия – наше будущее
Раб из нашего времени #11
Русский фантастический боевик

Новые приключения легендарного «раба из нашего времени» Бориса Ивлаева и его друга Леонида Найденова! Неплохо устроился Леонид в мире Набатной Любви. Еще бы! Великий артист. Местные женщины от него без ума. Даже если две главные любовницы, Ехидна и Горгона, не спускают с него глаз, Леонид всегда умудряется оказывать знаки внимания какой-нибудь сексапильной красотке. Проблема в том, что ему все это надоело. Все чаще тревожится Леонид о своем друге Борисе Ивлаеве, который остался в мире Трех Щитов. Как он там? Почему не вернулся за своим дружкой Найденовым, как обещал? Оказалось, что тревожился Леонид не напрасно. Вот только не нужно было бросаться на поиски Бориса очертя голову...

Юрий Иванович

Раб из нашего времени. Книга одиннадцатая. Блуждающий по вселенным

© Иванович Ю., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Глава первая

Побег из сытой жизни

Требовательные овации, зовущие мэтра на сцену, все еще доносились в гримерную. Но мэтр уже снял с себя маску, отцепил парик и с раздражением отбросил его в сторону манекенов. В отдельную коробочку улеглись отклеенные усики «а-ля Чаплин». Выходить и кланяться перед публикой он больше не собирался. Хотя на представлении сегодня присутствовали принц с супругой и чуть ли не вся верхушка местной аристократии. Правда, они и ушли сразу же после окончания всех действий на сцене.

– А остальные перетопчутся! – выдохнул вслух Леонид, внимательно рассматривая свое лицо в большом трехстворчатом зеркале. – Надоели их счастливые рожи!

Маэстро сам себя слегка обманывал. Ему, как великому артисту, восторг зрителей не мог приесться по умолчанию. Он не мог жить без сцены, без оваций, без упоенного блеска глаз своих почитателей. В них заключался главный смысл его жизни. Но, как говорится, не почитанием единым живет артист. Хотелось еще чего-то, желалось чего-то нового, сердце рвалось куда-то к неизведанному. А память постоянно, с особой ностальгией перелопачивала пережитые в ином мире приключения.

Вот потому и приелся созданный арляпас, надоела своя главная роль в каждом представлении, раздражать стали ближайшие подруги, да и вообще весь этот подземный мир уже сидел у Леонида Найденова в печенках. А когда он вспоминал о боевых подвигах, пережитых вместе с Борисом Павловичем Ивлаевым, хотелось немедленно все бросить, обо всех забыть и мчаться на поиски друга.

Разве лишь обида на Борю до сих пор не позволяла маэстро взять отпуск на пару дней и смотаться в мир Трех Щитов для проверки. Казалось нечестным, что Ивлаев, пообещавший забрать приятеля, уже долгих три месяца не появляется. Хорошо хоть записку после своего последнего посещения колодца оставил: «Не рыпайся, жди меня в любом случае! В пещере Пантеона наверняка будет засада, я тебя сам найду!» – конкретные слова, конкретный приказ. Но столько времени прошло, а товарищ так и не появился.

Словно забыл о своем обещании. Забыл?

– Или влип без меня в крупные неприятности, – опять вздохнул маэстро, приглаживая свои коротко стриженные волосы. – И надо отправляться на его поиски? Если он меня при встрече узнает, конечно... И если людоедам надоело сидеть в засаде, ожидая своих смертельных врагов. То бишь нас с Борей.

Сам он за последнее время кардинально внешне изменился. Изуродованное в детстве лицо стало лицом молодого, довольно симпатичного мужчины благодаря Первому Щиту. От шрамов ни следа не осталось. Да и все мимические мышцы, специально когда-то подрезанные странствующими цыганами для создания смешного оскала, ни капельки больше не вызывали смеха у каждого встречного-поперечного. На улице на него если и оборачивались, то лишь по причине симпатичного лица да слишком черных волос, весьма редко встречающихся в этом мире. А посему великий мастер клоунского искусства в последнее время был вынужден выступать в маске – точной копии его когда-то изуродованного лица. Иначе никакой грим не помогал, и реакция публики на шутки и репризы оставляла желать лучшего.

Этот скрытый момент нынешней славы тоже нервировал невероятно. Леонид лишний раз убеждался, что люди в большинстве своем жестоки и всегда готовы посмеяться над слабым, ущербным и уродливым. И не важно, в каком мире они живут, главное, иметь на это разрешение морали или условий жанра.

И опять-таки подруги...

Стоило о них подумать, а они уже тут как тут. Вломились в примерную без стука, ведь только у них имелись карточки к электронному замку. Шумно ворвались, сразу создавая своим присутствием тесноту и шум базара в помещении:

– Ты, как всегда, был великолепен! Bravo!

– Даже принц хлопал тебе, словно дитя, и кричал в восторге: «Виват!»

Когда-то этих красавиц звали Лизавета и Лада. Отличные имена, добрые времена, искренние отношения. Но после того как оба агента настучали на своего любовника и друга в тайную службу безопасности валухов, он устроил им

маленькаую месть в стиле Чарли Чаплина. Маэстро переименовал женщин, с разрешения барона Фейри, в Горгону и Ехидну. И обе с тех пор с гордостью носили новые имена официально, полагая, что в ином мире столь эффектные наименования означают «умная, великолепная, непревзойденная» или что-то в этом роде.

Этот факт тоже влиял на отношения. Двойственно влиял. С одной стороны, Леонид к подругам по причине этих имен охладевал все больше и больше. Да и какой нормальный мужчина может жить счастливо, лаская Ехидну и целуя Горгону? Вот и Найденов уже находился на грани срыва.

Но с другой стороны, как только подруги попадались ему на глаза, он не мог удержаться от радостной улыбки и с трудом удерживался от хохота. Как же, Горгона привела Ехидну! Что может быть смешней? Ну а сами женщины твердо верили, что великий Чарли только при взгляде на них приходит в хорошее настроение.

И данный момент не стал исключением.

– Как здорово, что ты у нас есть! – замурлыкала Ехидна, пытаясь расцеловать артиста в щеку и шею.

А ее подруга Горгона тут же принялась профессионально массировать плечи мужчины:

– Как же нам повезло, что ты в нас влюбился!

Искренняя улыбка Леонида стала превращаться в притворную. Может, эти красотки в самом деле его любили искренне, от всей души, но он им предательства так и не простил. Вот если бы они тогда вначале ему все рассказали и только потом, после коллегиально принятого мнения, отправились к надсмотрщикам данной планеты, все отношения строились бы иначе. А так...

«Не пора ли мне отсюда сматываться? – уже на полном серьезе задумался маэстро. – Притворяться долго возле таких ушлых девиц я не смогу. Раскусят... Да и политическая обстановка резко накалилась. Вон что творится в каждом городе! Завоевателям этого мира ничего не остается, кроме как следовать одному из двух вариантов развития событий: залить недовольство местных

жителей кровью или убраться отсюда, предварительно прикрыв радиоактивное излучение местного солнца озоновым слоем. Кстати, что в этом плане изменилось за последние дни?»

Он задал этот вопрос своим подругам. Ведь они до сих пор являлись нештатными сотрудницами местных сил полиции, в которых служили валухи, трехметровые гиганты из иного мира. Там цивилизация тоже поработана гаузами, и ее представители вот уже более четырехсот лет являлись строгими жандармами данного мира Набатной Любви.

Но сами валухи мечтали освободиться из ярма космических завоевателей. И хоть прикидывались туповатыми, бессердечными великанами, внутри своих общин уже давно организовали структуру сопротивления. Именно поэтому после разоблачения Леонида как иномирца его не арестовали и не бросили на местную каторгу, называемую Дно. А разрешили работать, добиваться известности в мире искусства и всемерно возвращать свою славу неповторимого кудесника развлекательного жанра.

Именно от валухов обе подруги и получали самую секретную информацию. А потом некими крохами этой информации делились с любимым маэстро.

– Ох! Обстановка резко накалилась! – омрачилось личико Ехидны. – Одновременно в нескольких городах появились очередные Светозарные, отказавшиеся сдавать груаны завоевателям.

– И они тут же отправились по улицам городов, – перехватила нить рассказа Горгона, – рассказывая правду о Дне и убеждая народ в необходимости изгнания гаузов с планеты. И в двух городах начались столкновения людей с валухами. Разгромлена одна резиденция гаузов. Жертв, правда, нет, но несколько гаузов получили ранения...

– И этого не простят. Поступили сведения от барона Фэйфа, что завоеватели готовятся к бомбардировке непокорного города. Об этом предупредили короля, и он сейчас бросился в объятые бунтом провинции, чтобы успокоить народ.

– Только вот наказание от гаузов уже последует с часу на час...

– Хорошо, что в данном городе все спокойно...

«Ну вот все и решилось! – принял окончательное решение об уходе Леонид. – Дальше здесь оставаться просто нельзя, участвовать в местной освободительной революции я не намерен. У меня своих проблем и дел хватает. Да и Борис наверняка в моей помощи нуждается и подруги его... Ухожу! Немедленно! Тем более что у меня все готово и я – возле портала».

Как только пришли подруги, он оживился, словно и не было двух изматывающих представлений. И теперь только следовало грамотно сыграть последнюю роль в этом мире: роль человека, желающего гульнуть и расслабиться. Тем самым избавляясь от назойливого и постоянного присмотра Горгоны и Ехидны.

Что он и сделал:

– Девчонки! А давайте закатим пир до утра в лучшей ресторации?

– Ты разве не устал? – обеспокоилась одна.

Да и вторая напомнила:

– Уже пару дней толком не высыпaeшьcя.

– Ерунда! Завтра утреннюю репетицию без меня проведут, а я до обеда дрыхнуть буду. Так что давайте: ты – гони в ресторан и заказывай для нас все что надо, а ты – сама займись сегодняшней выручкой. Я же сейчас укажу артистам, над чем завтра следует с утра поработать, и назначу ответственных за репетицию. Думаю, за час управимся. И после этого сразу встречаемся за столиком.

Оглашая все это, Леонид проворно переодевался. И вскоре, облаченный в скромный, но из очень дорогой ткани костюм да кое-что незаметно припрятав по карманам, маэстро уже стоял у двери, поторапливая подругу:

– Горгона, бери побольше денег, а то у меня в кармане ни пластинки! – В этом мире гаузы уже давно ввели деньги из очень прочного, невозможного для подделки пластика. – И выгляни вначале в коридор, а то вдруг туда опять почитатели прорвались.

Она выглянула, но, прежде чем выпустить Чарли из гардеробной, собственнически чмокнула его в губы и строго предупредила:

– Не вздумай за танцовщицами увиваться! Я засекаю время!

«Отлично! – рассуждал Найденов, быстрым шагом двигаясь по улице в сторону нужного наземного парка. – Пусть лучше думают вначале, что я с какой-то куколкой из труппы завис. Лишь бы как можно дольше не догадались, что в бега подался».

Фора у него имелась отличная. Только через час подруги начнут ждать его за столиком. Затем полчаса будут всего лишь сердиться, подозревая невесть что. Далее ожесточатся и в течение получаса поймут всю серьезность положения. То есть тревога среди валухов поднимется через два часа. А этого вполне хватит, чтобы покинуть наземный парк и даже отыскать нужную трубу с воздухозаборным колодцем.

Только и следовало, не привлекая внимания великанов, проскользнуть на территорию парка. А что такое смена внешнего облика для великого артиста? Минутное дело! Достаточно зайти в общественный туалет, прицепить к парикку шатена маленькую бородку и вставками существенно расширить нижнюю челюсть. Ну и походку изменить на присущую человеку в возрасте.

Валухи, восседающие возле механических эскалаторов, не обратили на мужчину ни малейшего внимания. Только и зафиксировали как единицу, влившуюся в общую численность горожан, которые отправились на поверхность для ночной прогулки. Здесь гуляют ночью – таковы особенности жизни в мире Набатной Любви, ибо опасное излучение местного солнышка не позволяло разгуливать в дневное время.

Конечно, когда поднимется тревога, учтут разницу в количестве людей, вышедших наружу и вернувшихся в город, да просмотрят записи на видеокамерах и поймут, куда отправился великий маэстро. Жандармы и сыск здесь работают великолепно. А вот дальше след Леонида в любом случае не отыщут. Поскольку догадаться, что в одной из миллионов торчащих на поверхности каменных труб имеется портал в иной мир, даже космическим завоевателям сложно.

Веревка оказалась на месте, на самой окраине парка, в дупле засохшего дерева. С ней не в пример удобнее подниматься по пятиметровой трубе, а потом внутри подстраховаться при спуске. Все-таки колодец глубиной более двадцати метров – не место для прогулки. Уже начав спуск, Леонид припомнил, как выбирался наружу в первый раз, и только с досадой фыркнул. Намучился он тогда изрядно.

Зато сейчас свои мускульные силы он оценивал как чуть ли не в два раза большие. Все-таки обладание Первым Щитом по всем понятиям не только излечивало человека и исправляло его уродства, но и давало полуторное как минимум увеличение силы, выносливости, крепости связок и костей. И за последние месяцы Найденов настолько окреп, что порой чувствовал себя суперменом. Да и сейчас смог бы обойтись без веревки и при подъеме, и при спуске.

А вот в плане магических умений обладатель Первого Щита чувствовал себя пока сильно ущербным. Он ведь хорошо помнил, какие чудеса друг Боря вытворял чуть ли не с первого месяца своих преобразований. Только тринитарными всплесками он удивлял иных, даже опытных, Трехщитных. Да плюс умения разные, начиная от полного излечения ран и кончая созданием осветительного шара – зырника, так его в этих мирах называли.

Как ни старался Найденов, как ни тужился и ни тренировался все эти месяцы после щедрого подарка вашшуны Шаайлы, ничего, кроме двух умений, у себя не заметил. Первое – стал различать некие силуэты и общий план помещений в полнейшей темноте. Ночным зрением это еще нельзя было назвать, но отнести к чуду – вполне. Второе – появилось умение, обозначенное в длиннющем списке словом «горячо». Или «горчичник». С его помощью можно было тепловым пятном пригреть иного человека, а то и ожечь его. Пока у Лени получалось лишь слегка подогреть небольшой участок кожи у своих подруг, не больше.

Только и радовало, что процесс пошел. Но сама скорость этого процесса – сильно разочаровывала. Тем более после наглядного примера Ивлаева.

Оказавшись внизу колодца, беглый Чарли Чаплин еще раз перечитал оставленную ему записку, хорошенько поразмыслил над ней и стал вооружаться. Метателя, стреляющего клиновидными лезвиями, не было – Борька его забрал в прошлый раз. Зато другого оружия – колющего, рубящего и метательного – хватало с избытком. Да плюс арбалет, пускай и в разобранном пока состоянии. Но самое действенное оружие, прихваченное с родной планеты, землянин и не

подумал брать, все равно таким в подвалах Пантеона не сильно попользуешься. А если там никого постороннего нет, то можно спокойно вернуться и загрузиться в путь по максимуму. Как это сделать, Найденов знал: система тройного портала описана Борисом подробно еще в первой записке.

Поэтому Леонид сделал самый простой выбор, стараясь не утяжелять себя сверх меры. Короткий меч на поясе да две перевязи – с метательными ножами и сюрикенами. Метательным оружием артист владел превосходно, ибо возрастал на арене передвижного цирка и вместе с азами клоунского мастерства перенял иные профессиональные навыки у своих коллег. А метание ножей и прочих убийственных предметов всегда считалось одним из самых востребованных номеров.

Напоследок попрыгал, чтобы ничего из оружия не звенело. Кое-что выдаст, случись бесшумно отступить обратно, пришлось снять меч. Затем постоял немножко, подумал и сразу два ножа зажал в ладонях. Глаза старался не открывать, привыкая к полной темноте, ибо на дне колодца все-таки царил полумрак. И лишь затем шагнул в портал.

Переход в мир Трех Щитов прошел буднично, в полной тишине и привел в полную темень. Да и запахов подозрительных не ощущалось: похоже, никто в этих подвалах уже давно факелом не пользовался. На что Леонид и надеялся в первую очередь. Будь в Пантеоне зроаки в засаде, они бы скорей все здесь осветили, как полагается.

«Хотя если тут затаились Трехщитные, то зачем им факелы? – старался не шевельнуться Найденов. – Они и так все видят не в пример лучше меня. А захотят осветить руины, воспользуются люменом или зырником. Но вроде никого... Только запах все-таки неприятный... Кречи, что ли?.. Нет, те иначе смердят...»

Минуты три стоял не шевелясь, старательно вглядываясь, прислушиваясь и принюхиваясь. Постепенно стал просматриваться контурно весь подвал, высветился пролом в стене, ставший с момента первого прохода через него вдвое больше.

«Наверно, людоеды тут все раскурочили, нас разыскивая...»

За спиной чувствовалась пустота пропасти. Да, именно оттуда поднимался влажный, свежий воздух.

«Все-таки колодец древние тут соорудили удивительный. Жаль, мы тогда не успели водички из него попробовать...» – размышлял Леонид. А вот неприятный запах, сносимый именно свежим бризом со спины, продолжал смущать. Он отыскал даже некий аналог этому запаху в своей памяти: так разлагается плоть. Могло такое быть? Вряд ли. Людоеды своих сородичей всегда хоронили с небывалым почетом. Да и кречи, их летающие прислужники, достаивались некоего подобия похорон. Иначе говоря, оставить здесь трупы своих соплеменников еще с «того самого» времени зроаки не могли.

Значит, если рассуждать логически, некто здесь позже повоевал. Но в любом случае засады среди трупов никто оставлять бы не стал.

Придя к такому заключению, Найденов задышал свободнее и маленькими шажками двинулся вперед, к пролому. Следовало хорошенько осмотреться, глянуть, что там наверху, и лишь после этого возвращаться в мир Набатной Любви за остальными вещами.

За два шага до пролома под ногой довольно громко хрустнул черепок. Затем второй. Проведенная в застывшей позе минута ничего, кроме досады, не принесла: «Хожу, как слон! А с другой стороны, чего уже таиться? Нет здесь никого!»

С такими мыслями маэстро двинулся дальше. Уже перешагнув пролом в стене, глянул назад, и по спине побежало стадо мурашек. Сразу три фигуры выделялись на фоне дальней стены! И на месте они не стояли! словно три беззвучные, бестелесные тени, они тоже приближались к пролому!

Оба метательных ножа Леонида отправились в короткий полет, который завершился сочными ударами железа, входящего в плоть, и одним произвольным стоном. Но тени не остановились, а продолжили движение! Мало того, со всех сторон слышалось шуршание, и теней стало многократно больше! Да над головой, у самого свода, стало разгораться свечение люменов.

Далее руки действовали отдельно от досаждающего разума. Ножи летели во все стороны, сюрикены мелькали росчерками смерти, но врагов все равно

оставалось слишком много. Даже после падения пятерых из них.

Последнее, что попытался сделать Леонид, – прорваться обратно к порталу. Имелся шанс выпрыгнуть из этого мира. Мизерный, но имелся. Увы! Шанс так и не удалось реализовать. Наброшенные сети сковали движения маэстро. Навалившиеся сверху тела выдавили кислород из легких, последняя мысль оказалась укоряющей: «Хоть бы один нож для себя оставил!..» – потом сознание померкло.

Глава вторая

Нежданные гости

Эмма, принцесса рода Гентлиц, уже давно смирилась со своим положением в имении Маяк. Даже нашла в ситуации массу положительного и перспективного. Первый месяц, ну еще второй она порывалась что-то изменить и даже покончить жизнь самоубийством. Слишком уж неприемлемым казалось ее нежданное замужество с простым парнем, вчерашним юнгой и жалким начинающим художником. Да и тот факт, что именно он оказался отцом растущего в ее утробе ребенка, чуть не лишил разума.

Ведь когда она с судебными приставами явилась к интенсивно обживаемой башне, она ни капельки не сомневалась, что носит плод от Чингачгука из рода Атлантов, экселенса, обладателя Трех Щитов, победителя стаи харезбеков, убийцы целого стада зраков и кречи. Плюс ко всему – очень таинственной личности, с которой водила близкое знакомство сама императрица. Явилась. Устроила скандал. И уже почти поверила, что станет жить в Маяке, полноправно, на законных основаниях.

Да только Трехщитный эксперт определил, что ребенок не от Чингачгука. Такое положение дел показалось принцессе концом света, от шока она свалилась в обморок. И собралась умирать. Но тут наружу подворья вышел тот самый парень Феофан и заявил, что отец – он. И после подтверждения экспертов пообещал любить Эмму больше всех на свете и обеспечивать тем необходимым, что полагается желанной супруге.

И что оставалось делать почти уже умершей изгнаннице?

Когда она очнулась, то оказалась под пристальной и постоянной опекой не только Феофана, но и всего семейства Атлантов. Первый месяц практически постоянно кто-нибудь находился рядом с Эммой и не давал ей совершить отчаянное безумство. А потом она, неожиданно для самой себя, привыкла. Втянулась. Успокоилась. Душевность людей, принявших ее в род, оказалась невероятно глубокой и сумела растопить лед отчаяния в душе и развеять тоску безысходности.

Вдобавок ей здесь стало жутко интересно. И пусть она даже сама себе не хотела в этом признаваться, но к концу четвертого месяца она полюбила всех обитателей имения. Смирилась с тем, что ее страстно ласкает каждую ночь Феофан, и даже стала получать от этого огромное удовольствие.

Иначе говоря, в самом деле поверила в то, что она жена, будущая мать и что ее жизнь складывается очень даже удачно. Ибо ее муж оказался очень и очень уважаемой и перспективной личностью. Должность главного управляющего Маяка и всех запускающихся цехов вокруг него делала Феофана чуть ли не самым популярным, интересным и авторитетным человеком в столичных новостях. Его восхваляли. Им гордились. Ему завидовали.

Еще один факт весьма тешил самолюбие принцессы. Она еще только пыталась осмыслить произошедшие с ней перемены, когда в Маяк прибыла первая дама империи со всей своей свитой. Оставшись с представителями рода наедине, Ваташа Дивная долго извинялась перед родственниками Чингачгука, а потом и торжественно клялась, что с экселенсом ничего не случилось. Просто он прямым из ее дворца, используя некие, известные только ему переходы в иные миры, отправился куда-то по своим срочным делам. Это тоже оказалось своеобразным шоком: извиняющаяся императрица! Уже тогда Эмма подумала: «В этом месте не соскучишься! Та еще семейка! И пусть моим мужем оказался не Чи, а вероломно меня обманувший Феофан, жить здесь все равно интереснее, чем в нашем родовом замке в Гайшерских горах».

При той же беседе удивили и родители Чингачгука. Пусть и с большим скрипом и внешним недовольством, но они косвенно признали за своим сыном такие умения. Потому что не стали выдвигать сразу же обвинения императрице в похищении или в ином каком коварном замысле. Да и финальная договоренность тогдашней беседы впечатлила.

– Так что мы не начинаем следствие по вопросу «Кто вы такие и откуда прибыли?», а вы не выдвигаете нам никаких претензий, – стала подводить итоги императрица. – Мы чинно и благородно ждем возвращения вашего родственника.

– Ждем. Но не более полугода! – довольно жестко заявил Назар Аверьянович, законник рода. – Если этот срок истечет, а наш Чи так и не вернется, то мы тут же подадим на вас иск в обе высшие судебные инстанции: Совет Хранителей и Высшее Жюри Трехщитных. Потому что, как ни крути, а экселенс исчез именно из вашего дома. Пусть это и дворец, о каждом уголке которого вы знать просто не можете, но такое обстоятельство не освобождает вас от уголовной ответственности. Тогда как в отношении нас в положениях и законах Моррейди имеется масса пунктов и параграфов, защищающих нас на любом суде, при любых обвинениях и при любых раскладах.

Тогда Ваташа лишь снисходительно улыбнулась и молчанием вроде бы выразила согласие. Но в ее взгляде отчетливо читалось: «Наивный дедушка! Плохо же ты знаешь наши возможности и наши законы!» Да и как могла Дивная сомневаться в себе и в возможностях своих тайных служб?

Прощаясь, она небрежно бросила Атлантам завуалированную угрозу:

– Представляете, до чего додумались некоторые глупцы? Утверждают, что вы здесь решили построить страшный механизм, который снесет вскоре с лица земли весь Рушатрон. Дескать, этот стальной монстр и плавать умеет, и дома рушить, и даже твердь Сияющего Пантеона перед ним не устоит.

– И вы такому поверили? – вежливо поинтересовалась Наталья Ивановна, мать Чи.

– Нет, конечно! – беззаботно рассмеялась императрица и тут же скорбно пожаловалась: – Только в любом случае придется к вам постоянно наведываться судебным приставам и присматривать за теми механизмами, которые вы начали строить. Мы просто обязаны реагировать на беспокойство народа и его самых заинтересованных представителей.

И тут Назар Аверьянович разразился сухой канцелярской речью, в которой перечислил десятки законов, сводов и положений. Поразив тем самым всех присутствующих парадоксальностью ситуации. Получалось, что на некую проверку собираемых механизмов представители империи в самом деле имеют право. Но! Не чаще раза в месяц и чином не ниже тех, кто уже посещал имение. А посещала имение – императрица. И по древним укладам построения империи Моррейди сама императорская семья – вся без исключения! – приравнивалась именно к чиновникам. То есть в буквальном смысле этого слова к слугам народа.

– Так что, ваше императорское величество, – завершал свою речь законник, – мы имеем право никого не пускать на нашу территорию, кроме вас. Все остальные попытки подглядывания наших производственных тайн будут встречаться во всеоружии, с применением магических сил и сил всего рода Атлантов.

Удивительно было видеть растерянность Ваташи Дивной. Она, видимо, и не подозревала о существовании подобных законов. Да и кто бы, будучи на ее месте, поверил в подобное?!

Так что покидала первая дама имение сильно озадаченная. А то и напуганная. Потому что глаза ее заволакивал страх, лишь только она натыкалась на фигуру деда Назара. Слово тот демон во плоти и как только откроет рот, так сразу изречет нечто страшное, крамольное, опасное и неудобоваримое. А от таких всезнаек любые чиновники всегда стараются инстинктивно держаться подальше. И видимо, неспроста вдруг проявилась такая досадная формулировка: императрица – чиновник. Поневоле испугаешься.

Последствия данного визита некоторое время были непредсказуемыми. А уж споры какие начались на Маяке, о-о! Половина семейства Атлантов ругала деда Назара за непомерную наглость и неуважение к власти, вторая половина стояла за него стеной. Ругались Павел Сергеевич – отец Чингачгука, Иван Круглов – глава безопасности и Феофан – управляющий имением. Тогда как всецело поддерживали Наталья Ивановна – мать Чи, Федор Кварцев – руководитель снабжения и овчарка Блачи – удивительная собака, поражающая своим умом всех без исключения. Например, когда оппоненты начинали повышать голос на законника, Блачи садилась с ним рядом и начинала рычать. Если шум увеличивался – громко и возмущенно лаяла. Чем вводила окружающих либо в ступор, либо в неумное веселье.

Что характерно, лающая защитница выбирала объект для поддержки, пользуясь своими, никому не доступными понятиями. Чем руководствовалась собака при выборе правой стороны, никто понять не мог. Но подметили: чаще всего та сторона и оказывалась правой. Вот и получалось, что животное считалось полноправным членом семьи. И вело себя очень, ну очень самостоятельно. Никому так и не удалось понять, кого конкретно Блачи считает своим хозяином. Вроде она и слушалась всех, но порой отказывалась исполнять команды, кто бы ей ни приказывал. В этом вопросе Эмма так и не смогла разобраться, хотя подспудно догадывалась: только после приказа экселенса отказа не последует.

Поэтому с овчаркой скучать не приходилось. А уж когда она родила восьмерых щенков, это событие приобрело чуть ли не всемирное значение. Та же принцесса, сама уже смирившаяся с участью стать матерью и не имевшая до того прямых обязанностей в Маяке, в одночасье стала главным опекуном многочисленного собачьего семейства. Кормила щенков из соски, лелеяла и холила, оберегала от гипотетических случайностей гораздо лучше, чем сама Блачи. Различала каждого щенка по имени с первого дня, замечала их малейшие недомогания или несварение желудочка, укладывала, носила, мыла. И даже убирала за ними. Наверное, эта искренняя заботливость, кроме прочего, тоже помогла отверженной женщине прижиться среди Атлантов.

Между тем рождение щенков стало формальной причиной для очередного визита императрицы в имение. Она прибыла после предварительного оповещения и сразу от ворот потребовала после приветствий:

– Раз щенков так много, трех я заберу во дворец! – И даже растерялась, когда на ней скрестились взгляды всех обитателей имения. И какие это были многозначительные взгляды! Так что высокопоставленная гостья попыталась сразу оправдать свое требование: – Мне Чингачгук обещал еще во время нашей с ним первой беседы.

Павел Сергеевич улыбнулся и понимающе закивал:

– Ну, раз мой сын обещал, тогда другое дело. Наверняка когда вернется, свое обещание выполнит.

После такого ответа императрица гневно поджала губы и уже готовилась сказать нечто резкое. Но сумела сдержаться и даже улыбнуться:

– Не сомневаюсь! Только я сюда заглянула по делу и буквально на несколько минут. Раз наши законы такие, то придется мне лично присмотреться к сооружаемым вами механическим монстрам. Ведите к ним! А если останется минутка, то и щенков посмотрю... Если не осмелитесь их от меня спрятать!

Семейство не осмелилось. Хотя вначале Павел Сергеевич провел гостью по всем цехам и довольно обстоятельно объяснил, что именно и как здесь будет твориться в дальнейшем. Судя по ее прищуре, Ваташа Дивная не поверила в такие сказки. Да и вслух усомнилась:

– Делать из молока сухой порошок? Какой в этом смысл?

Пришлось ей зачитывать краткую лекцию о многогранной пользе получаемого продукта. Но ухватилась она вначале за самое главное, по ее мнению: возможность провоза легкого, высококалорийного порошка в какие угодно дали и простота потребления практически в любых условиях. И понятно почему: ведь полное обеспечение армии и полков вольных наемников, воюющих со зрочками и кречи, ложилось тяжким грузом именно на плечи императорской администрации.

– Хм! Теперь я поняла все ваши прежние намеки, что данные механизмы выгодны в первую очередь Моррейди.

– Именно! – подтвердил главный разработчик и создатель сложных устройств. – Государство и будет покупать у нас большую долю нашего продукта и требовать прироста производства.

– Требовать? К чему бы это? Империя обладает невероятными техническими производственными ресурсами, а значит, мы и сами сумеем сделать этого молочного порошка сколько угодно.

– Раньше, чем у нас, у вас все равно ничего не получится, – последовал вежливый ответ. – Да и сейчас мы уже оформили все патентные права на наши устройства, изобретения и будущие поделки. Зато в будущем, на основе моих новых разработок, мы построим совместные мануфактуры, где прибыли будут делиться соотносительно вкладов каждой из сторон.

Императрица на это хмыкнула и собралась возразить, но наткнулась взглядом на законника рода, готового вступить в дискуссию, и благоразумно сменила тему разговора:

– Жизнь покажет, как оно дальше будет. Главное, что я несколько успокоилась, механические чудища вами строятся не для разрушения столицы. И у меня уже почти не осталось времени. Поэтому давайте я быстренько взгляну на ваших щенков и...

Выделенная для осмотра минутка растянулась на час! Да и после него умилившаяся, растроганная Ваташа покидала помещение, где находилось собачье семейство, с большой неохотой и сожалением. Желание заполучить такое милое и забавное существо возросло у нее втрое. Так что, выходя с подворья имения под ревнивым взглядом главной опекуны щенков, гостя бормотала с нескрываемым раздражением:

– Ну и куда этот ваш экселенс запропастился? Почему домой не возвращается? Сами ведь утверждаете, что собачек надо воспитывать с самого раннего возраста, а тут!.. Если Чи слишком задержится, придется срочно новый указ выдвигать на обсуждение. Мол, в связи с государственной необходимостью крайне желательно «срочно реквизировать...» и так далее.

Тут ее и нагнал в воротах голос законника, обладающего великолепным слухом:

– Не советую, ваше императорское величество! Ибо нежелательный прецедент незамедлительно сломает всю стройность уникальных законов «Подстати судилища».

По напрягшейся спине первой дамы нетрудно было догадаться, как ее достал уже Назар Аверьянович. Но ушла, так и не повернувшись и слова не сказав.

Зато через месяц вновь наведальась с проверкой. И вновь больше часа провела с подростками щенками. Но теперь уже не требовала, а чисто по-человечески просила:

– Ну хоть одного щеночка подарите! Жалко вам, что ли?

– Не жалко, – ответствовала Наталья Ивановна с максимально возможным для себя упорством. – И как только наш сын вернется, он лично вручит вам самого крепкого и здоровенького щенка.

Хотя после ухода императрицы мать пропавшего экселенса признавалась мужу:

– Своими просьбами она мне душу перевернула. Так мне ее жалко стало... и нас... и Бореньку.

Чем еще любила заниматься Эмма в краткие перерывы между часами кропотливого ухода за собачьим семейством, так это три вещи: засматриваться на сооружаемых и уже начинавших дышать механических монстров; просто замереть в неприметном уголке и ко всему прислушиваться; а также заглядывать в те места, куда проход был категорически воспрещен. То есть банальное женское любопытство ей было присуще, как и всем представительницам прекрасного пола.

Глядя на создаваемые устройства, принцесса ничего в них не понимала. Она просто любовалась. Видимо, восторг перед блестящей сталью и крепким железом у нее остался в крови навсегда после службы в полку наемников.

Умение стоять тихо, словно предмет мебели, давало иные плоды. А именно: постепенно открывались некоторые тайны рода Атлантов. Одна из них, что родители Чингачгука частенько проговаривались и между собой называли его Борисом. Порой звучали странные названия населенных пунктов, таких как Лаповка или Черкасы. Да и много чего другого, казавшегося Эмме загадочным и романтически непонятным.

Тогда как запрет посещения относился к средней комнате на втором этаже башни. Дверь туда не закрывалась, но войти внутрь не представлялось возможным: почти все пространство внутри было испещрено в разных направлениях тонкими нитями. Как говаривал глава безопасности Иван Круглов:

– Это особая, магическая сигнализация! Если ее коснуться, не только тревога разыграет на все поместье, но и нарушителя может запросто сжечь. Только пепел останется да подметки от обуви! – И хмурился при этом грозно, как гроза на летний день.

Подобное казалось до одури страшным, волнующим. А незапертая на замки дверь вызвала еще большее недоумение вкупе с болезненным любопытством: что же там такое может находиться? А ничего особенного, на первый взгляд. Несколько предметов античной, дряхлой и запыленной мебели, стоящей по разным углам. Да здоровенный ящик из толстого стекла, поставленный на попа довольно близко от стены. Пустой ящик, совершенно. Сколько ни присматривалась Эмма к нему с порога, так ничего и не рассмотрела внутри.

И вот спрашивается, что в этой комнате прячут? Не иначе, как что-то ценное или древнее находится в ящиках комодов. Но как в них заглянуть, не коснувшись часто расположенных нитей?

Ну и, наверное, чисто из спортивного интереса, когда рядом никого не было, принцесса замирала на пороге и мысленно прокладывала путь среди лучей из нитей:

«Вот здесь надо перешагнуть, прогнувшись назад... А там перешагнуть лучше всего получится на четвереньках... И если вон там аккуратно проползти на спине, то до крайнего комода все-таки можно добраться...»

Вот так и шло время. Созданные Павлом Сергеевичем машины стали двигаться, плеваться паром и дали первый порошок, называемый сухое молоко. Количество работников в имении утроилось. Подвоз молока превратился по количеству в полноводный ручей. Щенки уже солидно подросли. Если вырывались на подворье, своими действиями напоминали стихийное бедствие. С часу на час ожидался очередной инспекторский визит императрицы, которой возжелалось посмотреть на производство, заработавшее почти в полную силу.

Тогда как Эмма перемены в своей жизни воспринимала как должное и окончательно смирилась со своей судьбой. Ну разве что, в силу уже некоторой привычки, открывала запретную дверь, застывала на пороге и с упоением отдавалась своим мечтам: «Выдвигаю вон тот ящик комода, а там!..»

Фантазии каждый раз подсовывали воображению нечто разное. Начиная от диадемы невиданной красоты или ожерелья и заканчивая сказочным зеркальцем, через которое можно заглядывать в иные миры и наблюдать за кем угодно.

Вот и в тот памятный день принцесса замерла возле запретного места и с воодушевлением принялась мечтать о чудесной находке. Этакий ритуал-поблажка своим маленьким слабостям и никому не мешающим капризам. И не слишком-то озадачивалась шумом на подворье, беготней между цехами и нервными командами остальных членов семейства. Видимо, императрица вот-вот прибудет, а то и уже прибыла да осматривает новую пристань.

Надо тоже бежать во двор, все-таки интересно. Осталось лишь отступить назад и закрыть дверь, но...

Глаза вдруг увидели нечто жуткое. Руки-ноги окаменели, отказавшись повиноваться. Спазмы перехватили горло, мешая втянуть в легкие нужную для крика порцию воздуха. И только подсознание попыталось разобраться, что же вдруг возникло внутри постоянно пустующего стеклянного ящика?

Монстр! Однозначно: жуткий монстр. Безобразный, круглое, неровное тело на двух ножках и несуразно торчащие в сторону конечности. И две головы! И все это плотно залеплено кровавой кашицей, которая при соприкосновении со стеклом тут же устремилась вниз грязными потоками.

Причем попавший в ящик монстр не собирался там умирать или оставаться навсегда. Он вдруг стал мощно бить изнутри чем-то тяжелым, и толстенное стекло не выдержало, поползло трещинками разлома.

Зато Эмма все-таки успела набрать достаточно воздуха в грудь, и ее визг, сравнимый с гудком солидного парохода, разнесся не только внутри башни, но и далеко за ее пределами. Потом нежное состояние психики будущей матери не выдержало, и принцесса свалилась в обморок. Только и мелькнула последняя мысль:

«Тревогу я подняла... Может, монстр меня и не успеет съесть...»

Глава третья

И где это мы были?

Основное, от чего я попытался обезопасить себя с Марией – это от громадных и острейших осколков стекла. Они так и норовили сорваться с верхней плоскости ящика, более опасные, чем стальные кинжалы. Но мои потуги с защитой оказались излишними: вуаль Светозарных нас и от разрыва нескольких гранат спасла бы. Видимо, поддался панике, испугался за ношу у себя на руках, и начисто вылетело из головы уже укоренившееся сознание почти полной безопасности.

Вышел из груды хрустящих осколков, поставил Машку на пол и с омерзением отряхнулся от налипшей на одежду мерзости из кровавых ошметков. С головой того монстра, который к нам подбирался по болоту, я явно перестарался.

Моя же подруга не стала дергаться, а довольно быстро запустила на себя сразу три сгустка очистительной магии. Я спохватился и начал чиститься тем же способом, а она уже оглядывалась по сторонам, в недоумении размахивая руками и приговаривая:

– Что за странные нитки? Самые обыкновенные... но зачем так расположены?.. О! И девица валяется какая-то. Неужели это она так дико визжала?

Глянув на порог знакомой мне комнаты, я застыл с самым изумленным выражением на лице. Что мы попали в Маяк, а это собственность моей семьи, я уже сообразил, затем поверил в удачу и начал наращивать в себе готовый вырваться радостный вопль «Спаслись!». Но вот что в моей башне делает Эмма Гентлиц?! С какого бодуна она здесь оказалась?! И почему я не вижу своих родителей?!

Как-то в тот момент факт проникновения в этот мир отравленной атмосферы мира Ромашка меня совершенно не волновал. Уж если мы там не задохнулись от вони и страха, то здесь и подавно с нами ничего не случится. Хотя в голове оставался какой-то ватный туман, мешающий четко думать и адекватно воспринимать окружающую действительность. Подспудно я чувствовал, что вокруг творится нечто неправильное, даже страшное, но смело списывал ощущения на ядовитую атмосферу.

А вот отсутствие родственников напрямую невероятно. Неужели им пришлось продать имение? Что еще могло случиться за такой короткий срок? Или их вообще отсюда выгнали, пользуясь силой?

Одна мысль о такой несправедливости меня вновь взбудоражила до крайности. Разрывая остатки ниток и хрустя стеклом под ногами, я двинулся на выход. Разве что пробормотал непроизвольно:

- Что эта коза здесь делает?

Перешагнув лежащее на пути тело и уже из коридора выглянул через окно во двор. И глаза разбежались от людского муравейника. Причем добрая часть народа пялилась и оглядывалась в мою сторону. Точнее говоря, в сторону башни, потому что стекла были особенные, снаружи внутренности не рассмотреть. А императрица Герчери уже стояла рядом со мной и все более настойчиво интересовалась:

- Борь, ты ее знаешь? Где это мы? И что это за странные толпы?

А я уже отчетливо расслышал, как по лестнице с первого этажа кто-то несясь стремительно и почти беззвучно. Беззвучно для других, даже для Марии, но не для меня. И что настораживало больше всего, шаги человека совпадали с царапаньем когтей по каменным плиткам. В тот момент я напрочь забыл про некое существо, тоже проживающее в данном месте.

Так что встречал спешащих к нам (врагов или друзей?) во всеоружии: средней мощности эрги'с уже возлежал в моей изготовленной для броска ладони.

Физиономия настороженного до крайности Ивана и морда Блаци показались из-за поворота одновременно. Обоим хватило одного мгновения, чтобы ко мне присмотреться и опознать. Круглов облегченно выдохнул и стал расплываться в улыбке, а овчарка ринулась ко мне с радостным поскуливанием и повизгиванием. Что уже гораздо позже поразило: вуаль Светозарного меня нисколько не оградила от касания собачьих лап на груди и от языка, пытавшегося безуспешно вылизать мне лицо.

Подошедший Иван тоже свою радость не скрывал, хоть и выражал ее в более сдержанной форме:

- Ты ли это?! Вот так неожиданность?! Борька! Ха-ха! И откуда только взялся?!

Мы с ним крепко обнялись, награждая друг друга ударами ладоней по спине и плечам, тогда как Блачи уже беспокоило, с жалобным повизгиванием металась над телом Эммы. Волей-неволей пришлось вначале отвлечься именно туда:

– Откуда она тут? Чего разлеглась? Да и вообще... – Поведение овчарки вызвало в душе глухую злобу и ревность.

Все-таки твердая антипатия к этой наглой и бесцеремонной девице во мне засела накрепко. Называть ее как-то иначе, чем коза или овца, мне казалось неоправданным комплиментом. Да и у других моих близких отношение должно быть идентичным. А тут вдруг собака чуть не плачет, да и наш шеф безопасности разволновался, заступился за Гентлиц:

– У нее уже почти четыре месяца беременности! – воскликнул он, приседая в панике возле тела. – И она уже давно живет в супружеской любви вместе с Феофаном!

– Еловая жизнь! Вот оно что! – с запоздалым раскаянием я склонился над принцессой из Гайшерских гор. – Неужели у них получилось? – А руки мои уже изливали целебную энергию, приводя женщину в сознание и делая попутно диагностику состояния плода. С ним тоже пришлось повозиться, устраняя последствия резкого испуга у матери и случившегося обморока. Ну и странное, «ватное» состояние головы все не проходило, мешая толком сосредоточиться на сути звучащих слов.

– О! У этой парочки вполне крепкая семья получается, – пустился Иван в объяснения. И начал рассказывать, а точнее, давать сжатый доклад о происшедших здесь событиях в последние месяцы.

По нему выходило, что родители с дедом и вместе с принятыми в отряд парнями не только выжили в новой для себя обстановке, но и развернулись со всем присущим им талантом и присущей сообразительностью. Наш заводик по производству сухого молока заработал и выходит постепенно на проектную мощность. Попутно запускаются и остальные направления кондитерской промышленности, такие как производство шоколада и сгущенки. Блачи родила восьмерых щенков. Императрица ничем не обидела наш род, ведет себя очень уважительно и ждет не дождется дара в виде хотя бы одного щенка. Дед Назар всех продолжает поражать своим знанием местных законов и весьма верной

трактовкой некоторых из них.

Ну и последнее: толпы на подворье – это не что иное, как многочисленная свита придворных, которые на нескольких кораблях прибыли раньше императорской пары. Им пришлось открыть ворота и разрешить находиться во дворе, потому что новая пристань просто не уместила бы такого столпотворения.

– Что значит «пары»? – не поверил я, вставая и вновь выглядывая во двор.

– Да то и значит, – с досадой хмыкнул наш глава безопасности. – Что Ваташа Дивная не смогла ускользнуть от претензий своего супруга Дьюамирта Второго и взяла его с собой. Вот потому весь дурдом тут и происходит. Крик Эммы вроде бы и услышали, но никому до него и дела нет. Хорошо хоть я рядом с башней оказался да Блачи сама не своя стала. Вот и ринулись...

Тут опомнилась несколько Мария, уже рассмотревшая в толпе, приближавшейся к воротам, первую даму государства и довольно скромно одетого, подтянутого Дьюамирта Второго:

– Императрица?! – бормотала она, встряхивая головой, словно пыталась проснуться. – Но почему она не в Герчери? Почему обманула всех посыльных?.. И если она здесь, то... Мамочки! А я в таком виде!..

– Милашка! Так нас никто и не приглашал на этот праздник жизни! – неожиданно даже для самого себя рассмеялся я. Затем оглянулся назад и проследил, как Иван ставит на ноги Эмму, поддерживая ее аккуратно за талию. Глянул на меня наш вояка настолько вопросительно, что я еще больше развеселился: – Ах да, забыл вас представить!

Начал представление с Круглова. Затем представил сонно моргающую принцессу Гентлиц, которой еще во время лечения придал лишку спокойствия и равнодушия. Затем добавил внушительности в голос и пробасил, представляя подругу:

– Ее императорское величество Мария Ивлаева-Герчери.

Она тоже не осталась в долгу, после правильно выдержанной паузы:

– А это мой супруг, его сиятельство Иггельд, высший лорд империи Альтру! – Она величественно возложила мне ладошку на плечо. – А также консорт империи Герчери, его величество Платон Когуярский.

– Ну, про Иггельда, мы, допустим, знаем, – протянул в некоем ошалении Иван. – А вот про консорта... Да еще и самой Герчери... Оттуда, правда, несколько иные сведения поступили... Э-э-э...

И он замялся, не зная, как продолжить. А я пялился на заметно округлившийся живот Эммы и все пытался ухватить странную, постоянно ускользающую мысль в хаосе моего помраченного сознания: «Что-то я отупел совершенно, сообразить не могу, что не так? Если атмосфера Ромашки виновата, надо срочно покинуть башню, заказать немедленно новое стекло и соорудить новый кораб. Ах да, общую эвакуацию отсюда тоже следовало бы объявить. Нечего тут таким толпам бродить! Так, что еще? – вот чувствовал, надо вспомнить нечто важное или сделать нечто срочное. Шишкой мне в голову! Что же с моими мозгами?..»

И все пялился и пялился на выпуклость под платьем у будущей мамы. Потом тупо перевел взгляд на ее лицо и чуть ли не отшатнулся от круглых глаз, давно проснувшихся после шоковых новостей. И услышал удивленно-восхищенное:

– Ты?.. Стал консортом? Или это шутка? Мы слышали в последних новостях об этом, но не знали, о ком идет речь. Так, значит, тебя теперь даже не Борис зовут, а Платон? Какое странное имя...

На меня опять странной волной накатило раздражение. Причем я прекрасно понимал, что причина этому совсем не Гентлиц, и постарался сказать хоть что-то приятное:

– Рад, что у вас с Феофаном все так прекрасно сложилось. Он ведь в тебя с первого взгляда влюбился.

– Это все тебя надо благодарить за посильную помощь! – не удержалась все-таки принцесса от язвительности. Но тут же вежливо сменила тему: – А где ваши величества пребывали более трех месяцев? Слухи даже прошли, что ты и Мария Герчери погибли.

Мало того, что мозги оставались словно ватой укутаны, так еще и виски словно тисками сжало. Оглянувшись на подругу, я понял, что и она не в лучшем состоянии. Того и гляди в обморок хлопнется. И цепочка ассоциаций вдруг пронеслась в правильной последовательности.

Обморок. Живот с плодом более чем три месяца. Родившая щенков Блаци. Императрица Ваташа, которая в данный момент должна подъезжать к столице империи Герчери, – здесь под окнами. И слишком длинный пересказ событий в докладе Ивана Круглова. Точнее, не сам рассказ, а период времени, в них описываемый.

Пазлы сошлись, головоломка сложилась в виде отгадки: тут все уверены, что я отсутствовал очень долго. Раз в восемь дольше, чем выходило по моему личному календарю. И эти странные слухи о нашей пропаже, приравненной к смерти.

Но я все-таки стал уточнять:

– Вань, а когда я пропал в императорском дворце?

– Так уже три с половиной месяца прошло, – ответил тот, присматриваясь во все глаза к моей реакции. И словно о чем-то догадавшись, зачастил несколько иной информацией: – Императрица после этого чуть ли не сразу подалась с делегацией в Герчери. Но застала на месте только двух принцесс. Про императрицу Марию и консорта было сказано, что они отправились куда-то по важным для всего мира делам. И до сих пор правят в новой империи обе принцессы, но самые неприятные слухи все нарастали и нарастали в своих полярностях.

Он еще что-то говорил, а я уже пытался всмотреться в глубину глаз Марии:

– Слушай, с нами что-то не так.

– И я это уже поняла. Нас не было около трех месяцев.

– Именно! Но такого быть не может. Что за мистика?

– Надо разбираться. Ты что запомнил с нашего момента расставания с Верой и Катей?

Я быстро перечислил все наши достижения и неудачи на Дне, уложившись в минуту.

Подруга дернула в недоумении плечиками:

– Чудеса! У меня те же самые воспоминания.

Очень хотелось постучать себя по голове, чтобы там нечто встало на свои места, но разум подсказывал, что это не выход. Поэтому я только развел руками и, покосившись в окно, пустился в заверения:

– Пустяки! Главное, что мы живы и здоровы. А с остальным разберемся.

– Думаешь? – сомневалась Мария, тоже уставившись в окно. И вдруг добавила: – Но не могу же я в подобном убранстве появиться перед Ваташей Дивной! Сделай что-нибудь!

И меня опять разобрал смех. Сколько ни читал анекдотов на подобную тему, никогда особо в них не верил. А тут пришел к выводу: женщина всегда останется женщиной. С нами случилось нечто страшное, у нас кто-то украл три месяца жизни, а она о бытовых проблемах думает! Даже на смертном одре будет переживать, что на ней надето и как сидит. Или это она так от нервного стресса спасается?

А что, вполне действенный ход!

Глава четвертая

Я – тут, а у меня – там!

Но уже в следующее мгновение моя подруга тоже стала соображать явно лучше. Про платье и про возможную встречу на высшем уровне было забыто. Губы затряслись от переживаний, а слова стали произноситься с заиканием:

– Получается, принцессы три месяца без нас?! – Как человек дисциплинированный и ответственный, она представить себе не могла, что бросит доверенную ей эйтранами должность. – И сами воют со зрочками?! Они там, а мы... Мы с тобой где были?!

Ее наконец-то накрыло полным осознанием свершившегося. Сразу стало ее жалко, пришлось обнять за плечи и крепко, рывком прижать к себе. Только слез и истерики не хватало. И сразу подумалось, что лучше уж она бы о платьях беспокоилась, чем вот так осознать, что подвела целое государство, которое на нее надеялось и рассчитывало. Но именно бытовые проблемы натолкнули меня на мысль, как отвлечь внимание на иные дела.

– Пока будем действовать по обстоятельствам. Первое: отправим срочное сообщение в Герчери. Ведь еще Катерина при визите сюда доставила кучу голубей для срочной почты. Второе: надо все-таки встретиться с императорской четой и пообщаться. Что для этого нужно? Кучу предварительной информации и платье. Да и мне не помешало бы нечто посолиднее надеть. Инфу даст Иван. Платье... Эмма, что у тебя с одеждой для такого великосветского раута?

Принцесса уже пришла в себя, успокоилась и даже обрела свою прежнюю язвительность:

– За совершенною тобой подлость ты даже разговора со мной недостойна. Но для ее императорского величества... – Она сделала книксен, но была прервана поморщившейся Машкой:

– Эмма, давай в домашней обстановке просто по именам. Раз уж мы тут все чуть ли не родственниками стали.

– Родственниками? – упорствовала в своей вредности супруга Феофана. – Вот если бы у нас был один муж на двоих...

Круглов быстрее сообразил, что надо ответить:

– Ее высочество Эмма хочет сказать, что все лучшие наряды в распоряжении ее императорского величества. – Заметив недоумение у меня на лице, без всякой паузы дал пояснения: – Она хоть и была изгнана из своего рода, но уже несколько раз ее мать наведывалась к нам в Маяк. И при последнем визите доставила четыре повозки разного добра в приданое дочери. Теперь одна комната полна роскошных платьев и всего, что к ним полагается.

И при этом очень строго посмотрел на беременную женщину. Насколько я понял, отношения тут строились как-то особенно и бывшая наемница, несмотря на всю свою наглость и язвительность, нашего шефа безопасности побаивалась. А может – слишком уважала. Или сама сообразила, что напрягать отношения сейчас неуместно. Но дерзить и умничать больше не осмелилась:

– Конечно, вся моя гардеробная в полном вашем распоряжении.

Но прежде чем начать подниматься выше по лестнице, я вновь кивнул в сторону двора. Там как раз императорская чета продвигалась вглубь, к хозяйственным постройкам:

– Надолго это затянется?

– На час, максимум полтора.

– И неужели эта толпа попрется следом?

– Еще чего?! – возмутился Иван. – Там не только Второй, твой малый серпанс за порядком следит, дополнительный десяток охранников на сегодня взяли. Ну и самое главное: дед Назар откопал где надо нужные законы, по которым теперь инспектировать цеха имеет право лишь чиновник не ниже уровня императрицы. Так что твой отец только ее и пускает полюбоваться на построенные линии. Да вот сегодня еще и Дьюамирта Второго придется впустить. Но мы справедливо сомневаемся, что, даже увидев всю линию, они сумеют создать подобное на своих производствах.

– Неужели пытаются скопировать? – хмыкнул я, уже поднимаясь по лестнице.

– Пока Ваташа Дивная лишь угрожала. Но в любом случае без твоего отца у них ничего не получится. А он уже сделал массу таких предложений, что отказаться от них сложно. Так что договор с долгосрочными программами поэтапного строительства будет подписан вскоре. А сегодня первые лица империи во время готовящегося обеда дадут свое предварительное согласие.

– И где собрались обедать? – Ведь скромный зал нашего имения, на первом этаже башни, совсем не подходил для такого события. Да еще при таком громадном количестве едоков.

Оказалось, что обед ни в коей мере не стеснит род Атлантов. Не так далеко, буквально через три участка находилась одна из малых, летних, резиденций, принадлежащих родне Ваташи Дивной. Потому она не раз и утверждала, что является соседкой Маяка и навещается сюда чисто по-соседски. Вот в той резиденции сейчас и готовился обед для избранной части собравшейся здесь толпы. Ну и все представители нашего рода приглашались на предстоящую трапезу.

Я еще уточнил, по поводу «всех». Но именно так и было сказано. Иначе говоря, мы тоже в число приглашенных попадали. За что Мария сразу ухватилась:

– Вот прямо на обед и явимся. Устроим всем сюрприз.

– Думаешь? – теперь уже я засомневался. – Может, вообще не стоит показываться миру на глаза? Со своими проблемами надо разобраться. К Лобному Камню срочно наведаться и с ним о многом пообщаться. Да и потом в Герчери надо возвращаться сломя голову.

Моя подруга, почитай без пяти минут жена, давно справилась с волной паники и рассуждала на зависть логично:

– Коль Герчери стоит под ударами зраков, значит, принцессы справляются. И учитывай, Светозарных у них много, а за три месяца охоты на Дне подобных воинов, практически бессмертных, наверняка стало многократно больше. Так что людоеды с кречи наверняка кровавыми слезами постоянно умываются.

– Скорей всего, так и есть...

– Лобный Камень от тебя и завтра никуда не денется. Да я и сама с ним хотела бы ближе познакомиться. Если пригласит... Ну а с императорской четой надо встречаться немедленно. Когда еще такой удобный шанс подвернется? Это у нас в Герчери аудиенция со мной или с принцессами – дело обычное и решается в пять минут. А здесь? Даже невзирая на мой статус – придется какое-то время ждать, готовиться, вести предварительные обсуждения. Вдобавок Ваташа может оказаться обижена тем, что три месяца назад я с ней так и не встретилась. А тут раз – и мы уже общаемся.

– А что говорить будем о своем долгом отсутствии? Ведь у нас ничего не согласовано с Катей и Верой, и мы не знаем, что они говорили на эту тему.

– Они имели право оправдываться как угодно. А мы скажем почти правду: отправились на охоту и заблудились.

В самом деле, вполне приличное оправдание.

Да и продолжать обсуждения предстоящих наших действий стало невозможно. Мария уже находилась в гардеробной и взглядом маршала, глядящего на готовых к битве воинов, строго осматривала ряды развешанных платьев. Ей предстоял сложный выбор, отвергающий любые иные темы для разговора.

Так что мы с Иваном поспешили к комнате с моими вещами. Кое-что из приличной одежды у меня имелось. Да и определенные действия Круглову следовало произвести немедленно. Я только с ним согласовал, что да как, и дал несколько дополнительных распоряжений.

Первое и, пожалуй, самое основное – это избежать нового скопления в башне ядовитых газов из мира Ромашка. Для этого следовало немедленно заказать нужные листы стекла, привезти их в Маяк и склеить в виде герметичного короба. Убрать осколки старого – это само собой разумеется.

Как выяснилось, доставкой стекла займется наш главный снабженец Федор Кварцев. Он в последнее время прекрасно освоился в здешнем мире и прекрасно справляется без подсказок местного жителя Феофана.

А вот склеить листы эпоксидной смолой, тут уже потребуется сноровка моего отца. Для этого ему следовало шепнуть что надо на ухо, да и о моем визите как-

то предупредить. В идеале следовало бы моим родителям, да и деду Назару со мной пообщаться еще до званого обеда. У них наверняка есть для меня нужная информация, и мне есть им что рассказать. В сумме: согласовать наши действия никогда не помешает.

Да и от Второго не мешало бы мне получить должный пакет сообщений. Уж он в любом случае насобирает нечто по окружающему пространству.

– Его Павел Сергеевич частенько посылал следом за императрицей, подслушать все разговоры. Он слушал, но нам так ничего и не рассказал. Редиска прозрачная!

Так что делиться инфой с моими родственниками, судя по реплике Ивана, бывший администратор со Дна не желал. Нагло заявлял о каком-то несоответствии в титулах при подаче запроса. Да это и правильно: ведь задание он получал – только помогать в охране имения и моих родственников, а не выполнять беспрекословно все их распоряжения.

Круглов понял, как действовать, и умчался в толпу. Вроде и одевался он скромно, неприметно, но я легко за ним из окна проследил, подмечая все вехи извилистого маршрута. Вначале несколько фраз передал нашему шефу снабжения и главному по кухне. Федя Кварцев с пониманием пару раз кивнул и умчался в сторону новенького пирса. Стекло – прежде всего!

Следующим нужные известия о моем возвращении получил дед Назар, идущий метрах в пяти за высокопоставленными гостями. Что-то проговорив в ответ, наш законник оставил Ивана на своем месте, а сам бочком выбрался в сторонку, после чего устремился в сторону башни. Чувствовалось по его целенаправленному движению, ему есть что мне рассказать.

Дальше Круглов сумел подобраться к моему отцу. Как раз моя мать давала пробовать венценосной императорской чете какие-то образцы выпечки с новой начинкой и объясняла, что там внутри. Видно было, что Павел Сергеевич несказанно обрадовался возвращению своего сына, но сумел удержаться на месте. Только глянул в сторону башни, а потом и рукой помахал в приветствии. Все-таки бросать таких гостей одних ему не с руки.

А вот Второго он отпустил ко мне немедленно. И квазиживое существо, созданное великими учеными цивилизации Альтру, успело добраться ко мне практически одновременно с дедом Назаром. Да и что может остановить бесплотное чаще всего существо, которое умеет проходить сквозь камни? Его даже рассмотреть удавалось с огромным трудом лишь когуярам да мне благодаря куче прижившихся в желудке Первых Щитов и одного груана. Или сам серпанс, при некоторых случаях и определенных обстоятельствах, проявлялся своей структурой.

Мы с дедом только успели обняться да задать друг другу первые вопросы, а зажатый в правой руке чип серпанса уже помогал нашему виртуальному общению. Я уже привычно разделил свое сознание на два потока, а третий поток поставил на анализ поступающей информации.

Назар Аверьянович больше бил на сложившиеся отношения с нашей высокопоставленной соседкой. А также вскользь упоминал успехи свои на ниве изучения законов и общие – по нашей затее постройки ультрасовременного, для здешнего мира, производства. Но все это было ожидаемо, да и частично освещено Иваном. А вот чем дедуля удивил, так это своей победой в борьбе за мою собственность.

Будучи в последний раз в Рушатроне, я сподобился нарисовать одну картину техникой акварели. Уже тогда один зуав (граф, по-местному) собирался ее купить за хорошие деньги. А то и выставить на местном аналоге аукциона. Вот только следующей на сеанс рисования заказанного портрета явилась его супруга. Причем зуава оказалась сильнейшей ведьмой, которых тут называли вашшунами. И сотворила со мной такое, что ни в коем случае не при Марии будь рассказано.

Уходя, вашшуна прихватила и ту самую картину, предназначенную для продажи. Но я был несказанно рад ее уходу и не собирался выставлять какие-либо претензии. Лишь бы вообще с той ведьмой больше никогда в жизни не встречаться. Красивая женщина, ничего не скажешь, даже шикарная, но...

Так вот наш дедуля оказался тот еще хват! Не побоялся потребовать возвращения картины, затем со скандалом и гневными разборками забрал мое произведение. А потом и весьма удачно продал на общественной распродаже. Итог: четыре с половиной тысячи золотых попало в казну нашего рода Атлантов. Честно говоря – мелочь, ради которой не следовало наживать такого врага, как

зуава-вашшуна.

Но тут уже ничего не исправишь.

Тогда как сведения от Второго оказались скорей загадочными, странными и туманными, чем что-либо проясняющими. Оказывается, три последних месяца над башней стоял столб слабо светящегося освещения. Но никто этот столб не видел, потому что заинтересованных наблюдателей вокруг имения серпанс так и не отыскал. Вреда столб никому не приносил, не мешал, неприятных последствий для человека не оставлял. Поэтому квалифицировался как магический казус или природная аномалия и рассматривался как объект для наблюдения.

Почти час назад (как раз в момент нашего с Машкой возвращения) столб света пропал. Значит, следовало сделать вывод: магическая аномалия (или что оно там такое?) однозначно связана с кражей трех месяцев нашей жизни. Иначе говоря, если я узнаю, кто и чем освещал наш Маяк, однозначно выйду на след злоумышленников.

По поводу подслушанных разговоров Второй дал весьма скудную информацию. Похоже, Ваташа Дивная постоянно опасалась подслушивания и ничего толком в окрестностях нашего имения не говорила. Но даже по небольшим оговоркам понималось: Атлантами она заинтересована жутко, зла нам не желает, а уж со мной мечтает не только пообщаться, но и чем-то таким ценным наградить. О чем она говорила с принцессами насчет меня, когда была с визитом в Герчери, подслушать Второму не удалось. Он только раз сопровождал объект в ее летнюю резиденцию да три раза приглядывал за ней до половины водного пути в сторону столичного дворца. Слишком категоричными считались мои приказы о приоритетном прикрытии Маяка и его обитателей.

Мало. Но все-таки позитива больше. Хоть какой-то след появился в предстоящем расследовании. Пусть сходство и маленькое, но я хорошо помнил, каким лучом в Сияющем Кургане сопровождалось мое путешествие под куполами с Навью. Тогда мне уникальный артефакт давал задание уничтожить Первого Лорда в мире Содруэлли. Тот луч тоже никто не замечал из посетителей Кургана, но внешне он напоминал чем-то странный столб над Маяком.

Иначе говоря, мой визит к Лобному Камню должен состояться как можно раньше. Нам есть о чем поговорить.

Глава пятая

Опасные подданные

Императрица поморов всегда отличалась наблюдательностью. А сегодня была настроена особенно. Потому что желала запечатлеть в памяти каждую деталь построенных в Маяке механизмов. Она и после предыдущих своих визитов рисовала по памяти все, что увидела, и с дополнительными консультациями отдавала изображенное главному имперскому механику. Но тот сразу жаловался, что пока не понимает, что в какую сторону крутится, как прижимается и что получается в итоге, и воссоздать устройство он не сможет.

Сегодня уже все крутилось, шипело, шуршало, скребло и отдавало жаром. Установка по производству сухого молока работала, и некое понимание последовательности процессов в ее воображении отложилось.

Но и в остальном Ваташа оставалась начеку, особо следя за словами, эмоциями и мимикой местных экскурсоводов. Вот тут Павел Сергеевич ловко открутился от прямого ответа, обставил все недоговорками и даже вообще откровенно соврал. То неправильную информацию даст о предназначении того или иного узла, то откровенно заявит:

– Прошу прощения, но это маленькая технологическая тайна.

Потом хозяева имения показали гостям некую новую выпечку, удивительные вкусняшки, названные конфетами, и оригинальные тортики, сделанные по особым технологиям. Да еще и предложили дегустировать каждое изделие. Сама Наталья Ивановна с восторгом баяла об особенном вкусе и тут же демонстративно пробовала предоставленные образцы.

Пока Дивная водила руками с особенным кольцом на пальце, проверяя на яды, Дью, как она коротко называла своего супруга, уже уминал угощения за обе

щеки. Видимо, уверовал, что его здесь травить не станут. Да и обладание Двумя Щитами помогло бы ему справиться с любой отравой, кроме мяса украденного тирпиеня.

Императрица тоже стала пробовать и уже на четвертом кусочке обеспокоилась:

– Слишком вкусно! Если сейчас наедемся, во время предстоящего обеда останемся без аппетита.

– Мы приготовили внушительную партию этих сладостей и для обеда, – улыбнулась главная дама рода Атлантов. – Во время десерта все смогут попробовать.

– Обед? – умудрился хмыкнуть император с набитым ртом. – Оно нам надо? Мне кажется, мы и здесь можем прекрасно подкрепиться. Да и когда это сладости меня лишали хорошего аппетита?

А его руки уже тянулись к следующим конфетам, разложенным на подносах. Некультурно себя вел, неподобающе для первого человека империи Моррейди.

Но Ваташа уже внимательно и давно присматривалась к другому. Вначале куда-то сбежал въедливый и наглый старикашка, законник рода. В его присутствии всегда себя чувствуешь скованно, так и кажется, что этот Назар что-то как выдаст, так и родится очередная проблема.

Затем главный охранник имения что-то нашептал на ухо Павлу Сергеевичу. Тот весь задергался, словно ему предложили нечто более вкусное, чем апробируемые конфеты. Не удержавшись, глянул в сторону башни, и даже помахал кому-то приветственно рукой. Да и потом светился довольной, счастливой улыбкой. Что не осталось без внимания его супруги Натальи: она явно занервничала, заволновалась, стала путаться в словах.

Тут же Ваташа подала знак бровями своему первому заместителю в иерархии тайного ведомства. Тот не спускал глаз с нее и всегда был готов к действиям. Понял задание и сейчас, выскользнув из толпы и начав продвигаться в сторону башни. Вдруг да удастся понять, кто там и каким образом прибыл в имение. Потом только и останется, что сверить информацию с постами наружного наблюдения да понять, кому хозяева так обрадовались... Мимо наблюдателей ни

один посторонний человек не прокрадется к Маяку незамеченным.

«Наверное, кто-то из родни пожаловал, – размышляла Дивная, а вслух начала засыпать Павла Сергеевича каверзными вопросами. – И хорошо бы, если не в большом количестве. Что-то мне не хочется, чтобы Атланты здесь зажали на широкую ногу, начав скупать все земли вокруг столицы и возводя на них свои новейшие производства. Вроде мелочь, как считается, кондитерские изделия, но ведь это только начало. Вдруг сюда хлынут иные затейники, сродни этим? Да начнут манкировать нашими законами, ущемляя интересы коренных поморян? Как же их все-таки прижать к ногтю? Компромат у меня уже есть, начну их щемить, мало не покажется. Да... Если бы только не этот Чингачгук, пропавший у меня из дворца!»

Досадовала, ох как досадовала императрица, вспоминая этого ушлого и наглого экселенса, натворившего столько дел, совершившего столько героических поступков и так загадочно исчезнувшего неведь куда. Некрасиво получилось: пригласила в гости, гарантируя безопасность, а он взял и пропал. А с ним исчез главный исследователь дворца, магистр исторических наук, барон Строган Белых. И ладно бы барон, хоть лучшего знатока не сыскать во всем мире. Проблема в самом Чингачгуке.

Точнее, в том человеке, который прикрывался таким странным, режущим слух именем. За три с половиной месяца тайная служба империи проделала титаническую работу. Но сумела-таки собрать почти всю информацию, касающуюся этого молодого человека. Некоторые дни были расписаны пошагово и поминутно. Зафиксировано и перепроверено каждое слово. Составлен маршрут передвижения и странных перемещений в пространстве. Выведен перечень всех поступков, а в особенности расписаны все геройства. И какие геройства!

Но все равно в сознании главы тайной службы четко отложилась краткая характеристика парня: обманщик, авантюрист, везунчик и герой.

За обман – следовало наказать Борея (он же справный барон Цезарь Резкий, он же – рыцарь-механик Михаил Македонский, он же – старец из Заозерья Чи... и прочая...). Строго наказать, по максимуму. Чтобы иным аферистам неповадно было. И не только Борея наказать (или кто он там на самом деле?), а всех его родственников в казематы упечь вместе с друзьями и подругами. Потом конфисковать имение со всем производством. А то прикидываются, понимаешь

ли, разными баронами, наставниками царского рода, зуавами, князьями и прочими. Такое никому не позволительно.

Не говоря уже о многочисленных нарушениях уставов, законов и положений империи Моррейди, нарушаемых сплошь и рядом. Уж законники все просмотрели, на каждый поступок наказание нашли.

Только и мешало свершиться правосудию три момента: отсутствие Борея, его двойное возложение рук на Лобный Камень да тот факт, что подавляющее количество его поступков квалифицируются как подвиги.

«Я и не собираюсь его прятать в тюрьму! – оправдывалась сама перед собой императрица. – Да и хранители Кургана не допустят подобного наказания своего потенциального коллеги. Наоборот, награжу, как полагается. А вот поугатать, прижать фактами – надо обязательно. Необходимо иметь нечто, чем я смогу держать парня и всю его родню в ежовых рукавицах. Чтобы они были зависимы от меня и вели себя, как полагается во всех без исключения случаях! Иначе они вообще всякий страх передо мной потеряют... И так ведут себя со мной, словно я их подружка с грудного возраста... И Дью умиляется этой Натальей, словно не первый раз видит! Ну с ним-то все понятно: что мужикам надо, кроме как вкусно пожрать? Хм!.. А конфеты – и впрямь объедение! Если я к ним привыкну, то...»

Она хорошо знала, что такое наркотическая зависимость. И, будучи обладательницей Второго Щита, не боялась даже отравления. Но, пробуя одну конфету за другой, начинала сомневаться в своей стойкости. Пристраститься к таким изыскам – проще простого. Это не леденцы с медовыми карамельками. И не жженый сахар на палочке. Станешь сладкоежкой и попадешь в прямую зависимость от производителя такого уникального товара.

Хорошо, что первый заместитель прервал затянувшееся обжорство своим появлением. Приблизившись к главе тайного ведомства, заявил открытым текстом:

– К сожалению, никто из царства Елусечи так и не прибыл в Рушатрон. Наши корабли тоже вернулись в порт. Причина – перекрывший дорогу шторм в море.

Из чего стало понятно на условном языке: «Никто в имение не прибыл, а меня в башню не пропустили, да и закрыта она оказалась». Вмешательство также

помогло завершить затянувшуюся дегустацию сладостей. Оттягивая супруга за локоть, императрица грустно вздыхала:

– Ты слышал, дорогой про Елусечи? Значит, пора нам в резиденцию, негоже запаздывать с обедом.

Тот явно не уловил связи между далеким-предалеким царством и прерванным удовольствием. Но на уговоры поддался. Грустно покосившись на оставшиеся конфеты и пирожные, чинно двинулся к выходу из поместья. Тогда как Ваташа постаралась не отпустить Наталью от себя ни на шаг:

– Приглашаю и вас всех сразу разместиться в наших каретах. Места хватит на всех.

Ей было плевать на придворных, которые не поместятся в вереницу поданных к воротам роскошных экипажей. Пусть идут пешком. Каких-то полчаса ходьбы только на пользу пойдут и аппетит расшевелят.

Но хозяйка имения отказалась сразу и безапелляционно:

– Никак не можем, ваше императорское величество. Мне надо лично проследить за погрузкой сладостей. Да сменить некоторые детали одежды. Тем более что у нас есть две внушительные кареты, которые мы арендовали для сегодняшнего дня. Они уже готовы, и мы тронемся совсем скоро вслед вашему поезду экипажей.

По взгляду и тону Натальи Ивановны не приходилось сомневаться: не поедет с их величествами. Надо будет, в обморок рухнет, но все равно останется и подъедет чуточку позже. Волнуется, к своему мужу приглядываясь, чувствует что-то важное. Наверняка сейчас сразу же помчится в башню.

Да и себя Ваташа вдруг поймала на мысли:

«И я бы с ней сбегала, будь мы совсем близкими подругами и доверяй друг дружке во всем без исключения. Да она бы при таких условиях давно бы мне все что надо нашептала и сама за собой потащила... И я бы сразу узнала, кто там проскользнул незаметно мимо моих наблюдателей. Уж не Борей ли ибн

Чингачгук? Нет, нет, его бы сразу опознали. Ладно, придется ждать и мучиться... Эх! Сколько же условностей меня окружает! Даже дружить нельзя с кем хочется. Все – для блага империи!»

Хозяева, конечно же, проводили дорогих гостей до самой императорской кареты, поклонились вслед, помахали руками. Но уже в тот момент Павел Сергеевич что-то шептал на ухо супруге. А когда императрица оглянулась во второй раз с высоты своего сиденья, хозяева имения чуть не бежали в сторону башни. И то Павел тормозил, придерживая Наталью крепко за локоть.

«Хорошо! Пусть только приедут не в полном составе! – стала заводить себя первая дама империи. – Усядутся за стол, вот тогда я их прижму вопросом: «Почему не все прибыли?» И про собаку их вспомню, которую нигде не видно. Могли бы уже хоть одного щенка подарить! Жадины!..»

В резиденцию доехали за десять минут. И всю дорогу пришлось выслушивать от императора настойчивые пожелания, к которых превалировали слова и выражения: «обязательно», «немедленно», «заключить договор на любых условиях», «средств не жалко», «отдать все права», «предоставить все льготы».

«Это он еще не все конфеты слопал! – ругалась мысленно Дивная. – Знала бы, что будет такой сюрприз с угощениями, не уговаривала бы этого сладкоежку на инспекцию с экскурсией. Пусть бы ждал меня сразу на обеде... Или вообще в Рушатроне! Теперь попробуй ему растолкуй, почему нельзя давать такие привилегии этим Атлантам».

Но в любом случае понималось: императорский дом просто обязан на корню закупить все намечаемые к выпуску кондитерские изделия.

Хорошо хоть в самой резиденции все хлопоты по рассадке придворных, некоторых представителей знати и гостей ложились на плечи распорядителей. Императорская чета покинула карету первыми и отправилась в свои апартаменты, чтобы немножко отдохнуть от сутолоки, освежиться, очиститься от пыли да подправить внешний вид. Ведь полагается выглядеть лучше всех.

Тогда как остальные стали рассаживаться за столами согласно табелям о рангах и положению в обществе. Посторонних, новых людей и приглашенных здесь не было. Если не считать представителей рода Атлантов. Только они имели право

сесть в первый раз за столы с их императорскими величествами самыми последними. Вот такие вот гримасы дворцового протокола.

Зато был лишний повод не спешить венценосной паре за столы. Если гости опоздают, то не пристало первым лицам государства ждать. Правда, и в таком случае имелось правило: если в течение трех минут после восседания императора гости не прибыли в зал для трапезы, сама трапеза начинается без них. И опоздавшие, помимо презрения и насмешек, будут встречены звоном бокалов, скрежетом вилок и ножей по тарелкам и демонстративно громкими разговорами между столующимися.

Следовало отдать должное Атлантам, их обе кареты прибыли без малейшего опоздания. Еще не все придворные разместились за столами, как примчался распорядитель и доложил:

– Приглашенные гости – на въезде в резиденцию!

– Хорошо! Встречайте их и огласите их имена через минуту после того, как усядемся мы.

Распорядитель умчался, и сомневаться в его компетентности не приходилось. Организует все секунда в секунду. Главная сложность для него заключалась в наличии двух входов в банкетный зал. Императорская чета входила с дальнего конца и почти сразу усаживалась за накрытый для них стол. Большой стол, на возвышении, за которым и десяток рыцарей в любой харчевне мог уместиться. Но зато сразу, чтобы далеко не ходить через весь зал.

А с другого конца, в широких воротах, распорядитель, по отмашке своих коллег издали, начинал выкрикивать имена прибывших. Те входили, шли к главному столу, там кланялись. Если следовал вопрос от хозяев резиденции, кратко (так предписывалось!) отвечали и сопровождались иными помощниками распорядителей к отведенным для них местам.

Так что лишь Ваташа с Дьюамиром уселись да осмотрелись по сторонам, как от дальних ворот раздались первые крики:

– Господин Круглов и господин Кварцев из рода Атлантов! – Совсем молодой парень и мужчина крепкого телосложения двинулись через зал. А в спину им

уже звучало: – Ее высочество принцесса Эмма Гентлиц с супругом Феофаном, из рода Цветогоров!

Это сразу показалось императрице странным, напрягло ее. Все-таки совершенно нетитулованные Павел и Наталья должны были выйти раньше принцессы. Да и законник, дед Назар, никак не ожидался за ее высочеством.

– Назар Аверьянович, из рода Атлантов! – Ну да ладно, хотя за ошибку распорядителей следовало наказать.

– Наталья Ивановна и Павел Сергеевич из рода Атлантов! – На этом крике церемониймейстер вдруг дал петуха, чуть не сорвав голос. Да и видно было его совсем несусветное поведение. Ибо он не только замешкался, слишком долго прислушиваясь к подсказкам своего помощника, но еще и оглянулся назад, кого-то пытаясь рассмотреть за воротами.

«Ага! Все-таки прибыл кто-то из родни! – предвкушающе посмеивалась мысленно Ваташа. – Побоялись не взять с собой! Ну вот вы у меня сегодня все и пойдете на очную ставку друг с дружкой...»

Откуда такие мысли злобные, она и сама не могла понять. Да в следующий момент и забыла про них. Потому что рассмотрела, кого несут на руках Павел и Наталья: двух и одного щенков соответственно! Донесли, опустили на пол перед возвышением и грубо нарушили этикет: дали пояснения, не ожидая вопросов.

– Это подарок от нашего сына.

– Раз уж ваше императорское величество утверждало, что он обещал трех щенков, наш сын не стал это оспаривать.

– Если я правильно поняла... – несколько растерялась Дивная от неожиданности. – Ваш сын вернулся домой?

– Да. И он здесь.

«Неужели явился?! И сумел пробраться незаметно мимо наблюдателей? А теперь заранее пытается подлизаться ко мне с помощью таких подарков?..»

Что еще очень не понравилось Ваташе, так это излишне несурзные действия сразу нескольких распорядителей и вышколенных камердинеров. Они явно что-то пытались донести к главному столу. Что именно, рассмотреть времени не осталось. Голос от ворот начал оглашение:

– Его величество, консорт империи Герчери, Платон Когуйарский!

– Ее императорское величество, императрица Герчери, Мария Ивлаева-Герчери!

И в зал величественно вплыла пара молодых людей. Костюмы – так себе, как отметила первая дама империи Моррейди. А вот лица!

Борея, он же Чингачгук Атлант, удалось опознать сразу. Даже невзирая на несколько нездоровый вид и толком не отросшие волосы на голове. Сразу чувствовалось, что парень побывал в немалых переделках. Раз уж такой экселенс, обладатель Трех Щитов и прочая, выглядит настолько израненным или избитым.

Мелькнуло удивление: «Каков нахал! Неужели в попытке обмануть замахнулся на титул консорта?!»

Но как только удалось присмотреться к девушке, которую объявили в титуле императрицы, удивление сменилось на полную растерянность. Слишком много портретов данной красавицы Ваташа видела в империи Герчери, чтобы ошибиться при опознании этой женщины. Да и чего там обижать коллегу: уверенный взгляд, благородство на личике и величественная осанка не дали бы никому усомниться в ее праве считаться первой дамой недавно образовавшейся империи Герчери.

А растерянность хозяйки резиденции происходила от непонимания: «Как?! Как она здесь оказалась?! И где находилась три месяца?!» – поневоле станешь плохо соображать и забудешь, что надо говорить в таких случаях.

Хорошо хоть супруг не подвел, вставая с места, выходя из-за стола и устремляясь навстречу высокой гостье. Он тоже достаточно насмотрелся портретов, чтобы сомневаться в идентичности девушки.

– Какая неожиданность! Какой приятный сюрприз! – восклицал он, протягивая обе руки для пожатия женских ладошек. – Мы и представить себе не могли, что сегодня такое случится!

– Мы тоже просим прощения, – отозвался уверенным баском консорт, – что прибыли несколько неожиданно. Но мои родители заверили меня, что приглашение на обед касается без исключения всех, кто причастен к роду Атлантов. Поэтому мы взяли на себя смелость тоже присоединиться к вашему великолепному застолью.

После такой отповеди вышедшая из-за стола императрица тоже вытянула руки для пожатий. Но краем глаза заметила, что еще два прибора распорядители и камердинеры устанавливают на главном трапезном столе. Потому что не пристало четверем равным по значимости персонам сидеть порознь. «Молодцы, надо будет их сообразительность поощрить. А вот наблюдателей... М-да! Придется менять на более зрячих!»

Планы и приоритеты менялись прямо на ходу.

Глава шестая

Разборки с системой

С родителями наговориться за четверть часа я никак не успел. Да и на обеде нас посадили порознь. А меня, честно говоря, совсем не прельщало сидеть на возвышении у всех на виду. словно артист на сцене. Или петух на заборе. Ох уж мне этот этикет!

Зато Машка себя вела, словно с детского садика посещала званые королевские приемы, а не бегала с шумной компанией вокруг нашей деревни Лаповка да не купалась голышом в нашей скромной речушке. Говорила в меру, отвечала обтекаемо, улыбалась мило и величественно. И сама порой задавала встречные вопросы вместо ответов.

Так, например, к середине трапезы Ваташа поинтересовалась:

– С чем было связано такое долгое отсутствие твоего величества в империи?

– Разве это так интересно? Лучше расскажите нам, что происходит в царстве Трилистье? Все-таки воины там геройские, и подвигов они совершили немало. Не правда ли?

Про наши действия с Леней, когда мы перебили кучу зроаков с кречи и кокнули самого императора людоедов, я ей поведал контурно, без неуместного хвастовства. Но еще тогда она на меня сердилась, утверждая, что знает десятикратно больше, а что не знает, выяснит в скором будущем. Вот и решила выяснить. Причем у самой информированной персоны, как оказалось.

Потому что Дивная не стала кочевряжиться и приступила к поэтапному описанию всех моих приключений. Начиная с того, как нас с Леней воины крепости-форта отыскивали на острове и как они поразились, что мы ели мясо магического тирпиеня, словно обычного угря. И заканчивая описанием всех моих физических недостатков на то время: недоросток, хромает, выглядит как ребенок.

Да так подробно рассказывала, что у меня занули зубы от нехорошего предчувствия. Чтобы знать такие детали, следовало опросить буквально каждого свидетеля событий, перед которыми мы по глупости своей представились справными баронами. И напоследок прозвучала почти не закамуфлированная угроза:

– В царстве Трилистье существует смертная казнь для тех, кто самозванно присвоил себе какой-нибудь титул. – И, словно с большим сожалением, добавила: – Кстати, трилистяне уже давно требуют от меня выдать им местонахождение Цезаря Резкого. Прямо-таки умоляют.

– Великолепно! – радовалась Машка, ничуть не притворяясь. – Я слышала, этому Резкому полагается баснословная награда за подаренные остатки тирпиеня. Да за защиту форта. Потом – за каждого убитого зроака и кречи. Ну и напоследок – за уничтожение императора людоедов. Резкого уже объявили национальным героем. Поэтому даже странно, что вы не отвечаете трилистянам на их запрос. Почему?

– Да недавно я и сама не знала, где этот Резкий находится, – мило скривилась Дивная. – Ну и следует опасаться всяких судейских казусов. Могут ведь вначале наградить, а потом казнить по иным законам.

Тут себе позволил вмешаться в разговор Дьюамирт.

– Ерунда это! Победителей над зроаками не судят! – воскликнул он с бравадой, глядя мне в глаза и заговорщически подмигивая. – Ну разве что этот герой после своих подвигов умудрился промчаться по Моррейди да изнасиловать все что шевелится! Ха-ха-ха!

Обе императрицы взглянули на него уничижительно и со вздохом сожаления пробормотали в унисон:

– Ох уж эти мужчины!

– У них только одно на уме!

– А что мы, не люди? – уже откровенно провоцировал женщин император. – Ничто человеческое нам не чуждо.

– Это он так шутит, не обращайтесь внимания, – резко успокоилась Ваташа. – Лучше посоветуйте: выдавать этого Цезаря Резкого в царство Трилистье или нет?

– Но тогда придется его и в царство Леснавское отдавать, – притворно пригорюнилась Мария. – Тамшний царь тоже требует того самого героя для награды. Оказывается, тот самый инвалид успел в крепости Дефосс отличиться. Не только спасши при этом наследника леснавской короны, но и уничтожив принца людоедов со всей его свитой.

– Я больше могу добавить! – оживилась Дивная. – Не прошло и месяца после событий в тылу империи людоедов, как уже излечившийся инвалид под именем Михаил Македонский, в паре с Чарли Эдисоном, помог спасти тысячи беженцев и сотни наших наемников, зажатых зроаками в ловушке среди гор. Да и сами уничтожили при этом около двухсот людоедов и их пособников кречи. Иначе говоря, были заслужены высшие награды не только Леснавского царства, но и

нашей империи.

– Великолепно!

– Я тоже так думала. Но у нас тоже, увы, существует смертная казнь для разного рода самозванцев.

– Не стоит расстраиваться по таким пустякам, – со скрытой издевкой уговаривала моя подруга старшую коллегу. – Все прегрешения героя списываются одним, но самым важным законом. Мне о нем буквально перед обедом поведал главный законник рода Атлантов.

– Не помню такого закона, – сердито нахмурилась Ваташа. – И не факт, что он есть. Может, вздорный старикашка его выдумал. Но все-таки прошу его озвучить.

– Легко! Цитирую: «...а посему, все нарушения, квалифицируемые как самозванство, аннулируются, если они были сделаны по приказу высшего юридического лица и на благо государства».

Императрица поморов даже растерялась от услышанного:

– И кто же приказал Борею становиться бароном Резким, а потом скрываться под именем Македонского? И на благо какого государства это было сделано?

– Приказала ему – я. Ну и максимально возможную пользу от совершенных подвигов получила империя Герчери.

– Как-то все эти утверждения притянуты за уши... – прозвучала последняя попытка удержать в руках действенную дубинку против меня.

На что тут же последовали логичные разъяснения:

– Каждое действие Борея прямо или косвенно вело к созданию нашей империи Герчери. И я сейчас это докажу.

После чего довольно грамотно разложила по полочкам уже озвученные события и еще не прозвучавшие на данном застолье. Потом еще несколько моих подвигов присовокупила к перечню, о которых в Моррейди вряд ли кто знал.

А я все время такого странного обеда чувствовал себя неудобно и зажато. Ну вот не люблю я, когда мне косточки перебивают, да еще в моем присутствии. Пусть это и делается иносказательно, словно сплетничают о ком-то ином. Им что, поговорить больше не о чем?

Правда, умом я понимал, подобный разговор неизбежен, и чем раньше он состоится, тем для меня лучше. Наверняка замышлявшая меня прижать (а через меня и всех Атлантов) Ваташа теперь поняла, что на законных основаниях меня шантажировать не получится. Ну а незаконные способы... Хм! Так на это имеются солидные противовесы императорской власти. Тот же Совет Хранителей, к примеру, да Священный Курган наверняка в курсе происходящих тут событий.

Вспомнив о предстоящем завтра визите в Курган, я довольно грубо прервал надоевший разговор о себе размышлениями вслух:

– Интересно, тот же Лобный Камень выйдет со временем из строя? Все-таки у любого творения, даже теоретически бессмертного, есть свой предел стойкости. К примеру, музыка мне в последний раз показалась измененной – появились какие-то скрежещущие отклонения. Моя мама, кстати, их тоже услышала. И вот я подумал: если Священный Курган выйдет из строя, то кто его заменит? Уж не тот ли Курган с номером два (СК-2), который находится в Шартике? Маш, расскажи, что ты там успела рассмотреть?

Так что концовка нашего застолья прошла под монолог исследовательницы, которая ближе всех подобралась к иному чуду здешнего мира. А Ваташа по ходу обронила, что принцессы исследования в Шартике прикрыли, экспедицию оттуда отозвали и решили ждать либо возвращения своей императрицы, либо встречи с когуярами. Никто иной к СК-2 не прорвется.

Но мною сразу понималось: встретиться охотникам из Герчери с когуярами – нереально. Те живут совсем на ином уровне Дна, а управлять лифтами, кроме меня, все равно никто не умеет. Ну разве что вдруг до Пространств Вожденной Охоты доберутся легионы космической империи Альтру... Но тогда

вход на пространства вообще может оказаться перекрыт наглухо. Даже таким, как я, имеющим загадочный титул Иггельда.

Так что моей последней просьбой, прозвучавшей уже после десерта, стала фраза о связи:

– Надеюсь, у вас еще имеются почтовые голуби из Герчери? Хочется немедленно отправить сообщение принцессам, что мы здесь и скоро отправимся домой.

И тотчас же получил заверения, что голубей доставят в резиденцию в течение ближайшей пары часов. После чего сразу три птицы отправятся в полет с небольшим интервалом во времени. По расчетам, они должны успеть добраться до нашей столицы в светлое время суток. Если долетят, то уже завтра до обеда будет получен ответ.

На том, как сказали бы ушлые писаки-хроникеры, встреча на высшем уровне завершилась. Наша компашка уехала в башню, где мы с отцом первым делом занялись склейкой короба из доставленного стекла. Ну и через два часа задвинули его на место, прекратив проникновение к нам ядовитой «атмосферы страха» из гиблого мира Ромашка. Сам факт обитания там громадных болотных чудовищ говорил об иных формах жизни, неприемлемых для соседства с людьми.

Все остальное время мы блаженно чаевничали и уже подробно, без всякой спешки пересказывали все нами пережитое. При этом ни для кого не сделали исключения в допуске на наши посиделки, и даже принцесса Эмма была награждена высшим доверием. Разве что уж особые тайны, касающиеся переходов в иные миры да говорящие о сути сокровищ Герчери, мы деликатно старались обходить по руслу иных тем.

Но если перипетии создания машин и агрегатов удостоились с моей стороны лишь вполне заслуженной похвалы, то вот наше с Машкой странное исчезновение на три месяца из реальной жизни взбудоражило семейку Атлантов не на шутку. Как заинтриговало и повествование о данном мне Лобным Камнем задании по устранению Первого Лорда из мира Содруэлли.

Между нами, мальчиками, говоря, про красоток танцовщиц с божественными формами тела я тоже ни слова не сказал. Приплел на их место каких-то двух

любимых наложниц Лорда, которые нам и подсказали якобы идею с оздоровлением высшего правителя. Признаваться в совокуплении, пусть и свершившемся не по моей воле, я не собирался и под пытками. Разве что мелькнуло воспоминание о бароне Белых. Старикашка к данному времени мог выздороветь, восстановить память и все детали нашего круиза по Содруэлли поведать принцессам. А с тех станется впоследствии и Машке наябедничать.

Только и успокоил себя мыслью: коль до сих пор магистр истории не возвратился в Моррейди, значит, «крыша» у него на место не вернулась. Жаль, конечно, но такова судьба. Хотя по возвращении в Герчери точно постараюсь вылечить барона, даю себе слово!

Но в любом случае следовало теперь устроить разборки в Священном Кургане. И завтра с утра, прямо к открытию, я вознамерился прибыть к местной святыне.

Вот тут меня и ошарашили: со мной решили отправиться все присутствующие!

Отец аргументировал тем, что он заработался и у него завтра выходной день в честь прибытия сына и невестки. Мать заявила, что она единственная из моих родственников, которая слышит поломки в звучащей музыке. Ну, с Машкой понятно было, она только глянула на меня, и я понял, что о причине мне лучше не допытываться.

Назар Аверьянович заявил со всей авторитарностью:

– Без моих знаний местных законов ты, Борь, можешь запросто в тюрьме оказаться.

– Но ведь до сих пор не оказался! – вызывающе ответил я.

– От тюрьмы и от сумы не зарекайся! – напомнил дедуля старую русскую поговорку. – Ну и ко всему, у меня завтра тоже выходной. А толком полюбоваться на чудеса местной святыни мне по прибытии так и не удалось. Так что идем все вместе.

Шеф безопасности Маяка только фыркнул, когда его попытались оставить дома:

– Мне надо вас охранять, а тут и Блаци со Вторым справятся.

Федор Кварцев удивил желанием присмотреться вначале, а потом и пройти обряд Гипны, получая при этом умения в торговле. Честно говоря, это для меня оказалось новостью. Думал, что Гипна помогает подрасти деятелям искусства, в первую очередь художникам. Оказалось, что гигантский, межмировой артефакт еще и купцам потворствует в их усилении и развитии.

Феофан Цветогор просто напомнил, что он уже проходил Гипну, и ему, для совершенства в живописи, не помешало бы повисить свои умения повторной инициацией.

– Или вы меня уже до самой смерти управляющим поставили? – добавил с обидой. – Как мне помнится, уговор был лишь на первый период становления производства.

Я такого не помнил, честно говоря, но спорить не стал. А вот на Эмму уставился уже молча, даже не пытаюсь угадать причину с ее стороны. Та оказалась весьма уважительной.

– Необходимо получить благословение для ребенка со стороны Кургана. Это делают все женщины, имеющие возможность добраться в Рушатрон. А я здесь живу и до сих пор этого не сделала.

Тогда я попытался отговорить попутчиков иным способом:

– Не хочется привлекать внимание к нашей большой компании. Вы представляете, что начнет твориться вокруг и в самом Священном Кургане, если народ нас узнает? И если разнесется весть, что императрица Герчери решилась на паломничество? Да нас нечаянно затопчут! Не лучше ли идти порознь, каждый сам по себе и одетыми совершенно по-разному?

– Ты прав, отправляемся туда инкогнито, – согласился отец. Но Эмма напомнила всем очевидное:

– А ведь Чи у нас – уникальный, все умеющий экселенс. Так что пусть он нас прикроет каким-нибудь заклинанием отвода глаз, и нас никто не узнает. Или

изменит каждому внешность ложными фантомами. Я знаю, экселенсы умеют все.

Родня и друзья поддержали, дружно набросившись на меня с подобными же советами. Потому что слышали или читали о таких чудесах все. А я грустно смотрел на принцессу, стараясь подавить в себе злость: «Все-таки она язва! Сейчас пойдет спать, а мне невесть сколько тренироваться придется с созданием этих еловых фантомов! И ведь ничем ей не отомстишь, беременная... шишкой ей по лбу! Маленькой...»

Глава седьмая

Угрозы – привилегии работодателя

Так что полночи мне и в самом деле пришлось пробовать, экспериментировать и учиться. Только вот учиться без наставника – дело неблагодарное, если не сказать – глупое. Можно и шишки набить, колотясь в стенку незнания лбом.

И Второй мне не сильно помог. Ну выдал мне какую-то в память таблицу с кучей непонятных обозначений и графиком туманной конфигурации. Ну заявил, что это все идеальные расчеты для создания сложных, долгоживущих эрги'сов, благодаря которым можно прикрыть что угодно и кого хочешь. И со стороны это «кого хочешь» будет выглядеть так, как ты сам спроецируешь из собственной памяти. Иначе говоря, эрги'с – это часть моей личной энергетики и просто обязан принимать любую мирную форму, не взрываясь при этом и не портя объект прикрытия.

Теорию я понял, а вот как использовать боевую магию, убивающую, в лучшем случае усыпляющую, на человеке? На ком прикажете экспериментировать? Да и как это «проецировать»? Кто бы мне подсказал?! Трудно без наставника...

Машка меня ждала, ждала в постели, да не заметила, как уснула. А я все крутил в себя под носом фиги (фигурально выражаясь) и пытался усадить в одну лодку волка, козу и капусту. Или, коль по-иному, соединить вместе черепаху и трепетную лань.

Эрги'сы мои слишком подвижные. Да и отторгали от своих структур все постороннее. Так что учился я долго. Первый шаг – чтобы сгусток энергии не летел к цели, а медленно к ней приближался и аккуратно обволакивал. Второй шаг – придание нужного образа из моей памяти. Их у меня хватало на все случаи жизни, но гораздо интереснее, более волнующее, оказалось работать с «фотографиями» чудовищ со Дна. Байбьюки и тервели получались слишком огромными и страшными. И плохо «клеились» к эрги'су. А вот ящероподобные зервы, высотой чуть более двух метров, оказались идеальными во всех смыслах. И видом своим бодрят, сон прогоняют, адреналин повышают, и по размерам подходящие.

Вот с зервом у меня первая фантомная обманка и получилась. Сгусток энергии растекся по стене, и чудовище замерло, словно изготовившись к атаке. Дальше пошло проще, и вскоре все стены спальни устрашающе пялились на меня злобными глазищами и угрожали острейшими клыками.

И тут меня пробило на новое умение, которому меня обучал еще Ястреб Фрейни, патриарх, настоятель монастыря. Но раньше у меня полноценные иллюзии не получались. Так, жалкая пародия, быстро гаснущая и далеко не улетающая. Да и, присмотревшись к ней, даже обычный человек мог заметить обман. А вот вкупе с эрги'сом иллюзия получалась просто загляденье! И напугать могла, и крикнуть, и виртуальным мечом замахнуться.

Вот только иллюзия никак не хотела держаться на живом человеке. Получалось, что это совсем иной раздел магических превращений. Поэтому я отбросил иллюзии в сторону за ненадобностью и вновь сосредоточился на фантомных обманках.

Первые картинки я просто так клеил на стены. Последующие – варьируя с силой и выясняя продолжительность получившихся изображений. По расчетам, да и по вбитым в мое сознание графикам, получалось немного, максимум два с половиной или три часа. Но если потом подпитывать созданную маску искорками энергии, то удовольствие растягивалось еще на два часа.

Это меня обрадовало. Можно добраться до Кургана, там все вопросы решить, а потом уединяться в ином месте да делать новые фантомные обманки. Хорошая вещь получалась!

Только вот никак не мог я определиться со статикой изображения. На стенке – это одно, а вот как будет все согласовываться на живом человеке? Передаст ли верно структуру? Не слетит ли раньше времени? Согласуется ли с его движениями?

Нужен был объект для испытаний. И мой взгляд упал на спящую подругу. Точнее говоря, на жену. Мысль, что она обидится, тут же была отброшена другой:

«Сонный человек ничего не почувствует!»

Да и на ком я еще мог испытать боевые эрги'сы, только час назад переделанные в мирные? Правильно, только на Светозарной, которой ничего не будет и у которой защита никакого вреда телу не допустит. А мираж, да он и есть мираж! Задумано – сделано. И вскоре уже на широкой кровати возлежал жуткий зерв, с гребнем на спине и со свисающим вниз хвостом. Ну как живой!

Но недвижимый. Пришлось уже для полной проверки чуточку пошуметь, то покашливая, то бормоча нечто неразборчивое. Машка услышала, недовольно клацнула гигантскими зубами, что-то рыкнула и перевернулась на другой бок. Иллюзия на ней держалась намертво, словно приклеенная спецклеем! Лепота!

Довольный собой, как слон, я решил тоже проспать оставшуюся часть ночи. Но... Так и не смог уснуть возле жуткого чудовища. Как себя ни настраивал, как ни использовал аутотренинг, сердце колотилось, словно после кастрюли крепкого кофе, а незакрывающиеся глаза постоянно косились на лежащую обок хищную тушу.

Попытался снять обманку и понял – это еще на два часа работы. Тогда как постепенно пропадающие со стен чудовища напомнили – иллюзия не вечна, сама через два часа рассосется. А спать нам – четыре часа.

Так что я плюнул на свою недоработку и отправился спать на диван возле двери. Неудобно чуток, но как только закрыл глаза, так и уснул, словно на мягкой перине.

А зря я так поступил. И впоследствии еще долго жалел, что поленился доделать работу до логического завершения. Лучше бы я вообще не спал, чем так просыпаться! Врагу не пожелаю того визга, переходящего в сирену и

сопровождаемого звоном разбитого стекла и грохотом рушащейся мебели. Тогда я и понял, почему некоторые становятся заиками, рано лысеют или как минимум становятся седыми. Да и впоследствии их жены, если не удастся с ними развестись, до конца жизни имеют повод для укоров по любому поводу и просто без повода.

Потому что женщины никогда не простят, если возлюбленный их превратил в чудовище. Пусть даже без задней мысли, чисто по рабочей необходимости или по банальной ошибке не рассчитав время.

Четыре часа прошло. Внутренний будильник императрицы сработал. Она встала. Увидела меня на диване. Уже сразу обиделась, но вначале решила сбегать в ванную комнату, а уже потом поскандалить. Вот там она и узрела в зеркале безобразную тварь. Понятное дело, что вбитые на войне рефлексy – сработали. Зеркало и вся деревянная стена за ним – вдребезги. Но там оказалось еще несколько малых зеркал, атакуя которые, обладательница Первого Щита продолжила с нарастающим воем крушить все подряд.

Перед последним зеркалом она чуть остыла, присмотрелась, чуть подвигалась и даже полюбовалась своей новой мимикой. То есть сопоставила и поняла, как выглядит со стороны. Потому что сама она свои руки и ноги, глядя вниз, видела нормально.

Визг в мою сторону, а я уже стоял на пороге ванной и пытался привести дельные оправдания, стал угрожающим. Дальше дело пошло к ругани, обиде и слезам. Первый раз в жизни моя подруга настолько обиделась и настолько расстроилась. И хуже всего, что она почувствовала мое инстинктивное отторжение, когда я себя пересилил, запуская руки внутрь обманки и обнимая желанное тельце, чтобы его успокоить. А как иначе я мог себя повести? И ведь знаю, что за фантомной обманкой моя любимая, а все равно ощущал себя как человек, пытающийся поцеловаться с коброй.

Вот за это получил дополнительно. Но и попутно научился быстро снимать созданный мною же иллюзорный образ. Достаточно оказалось просто его немножко помять ладонями, распыляя кокон силой своей личной энергии.

В дверь нашей спальни постучали. Вначале Иван, потом отец с матерью. Даже Эмма вдруг заявила, вопрошая в щелочку:

– Машенька, он там тебя не убил?

Тоже мне сердобольная подруга нашлась!

В общем, к завтраку мы вышли обозленные и в плохом настроении. И объяснить перед родными я не мог толком. Мне был поставлен жестокий ультиматум: никому ни полслова о том, что я свою возлюбленную превратил в зерва. Пришлось объясняться полуправдой:

– Перестарался с ночными экспериментами, натворил слишком долгоживущие иллюзии. Они до утра не развеялись. Вот Мария и подумала спросонья, что нас атакуют. Благо, что видела этих тварей на Дне и знала, насколько они опасны.

– Кто же с подобными чудовищами балуется? – всплеснула мать ладошками, полными сочувствия глазами глядя на бедную невестку. – За такое баловство надо не просто по рукам бить, а... а...

И замолкла в сомнениях. Видимо, сообразила, что более изуверское наказание тоже неприемлемо для ее кровиночки. А я поспешил пожаловаться по-родственному:

– Ой, ма! Есть такие наказания, что ни в сказке описать, ни в протоколе оформить. Так что поверь мне на слово: досталось мне презрительно.

И четко расслышал еле слышное остальным ворчание принцессы:

– Ага, досталось ему!.. Даже морда не расцарапана!..

Видимо, еще не скоро она меня благодетельствует полным прощением за кардинальные изменения в своей судьбе. Но дедушка Назар своим новым слухом тоже расслышал каждое слово. Потому что заговорил вслух, словно размышляя сам с собой:

– Попалась мне книжка дополнений, касающаяся изгнанников и отверженных. Сколько же там всего интересного и поучительного, о-о!.. Но я что хотел спросить, – резко сменил он тему, обращаясь ко мне. – А под кого нас маскировать собираешься? Ведь наблюдатели вокруг нашего Маяка и не

прячутся особо. Враз по нашим следам отправятся и куда надо весточку пошлют. Императрица на тебя вчера явно рассердилась, потому может и сегодня пакость подстроить. Не доверяю я ей.

С этим у меня проблем не было, сразу придумал. И вскоре мы, по одному и по двое, отправились из башни в цеха. Что при такой интенсивной работе в имении вполне естественно. Еще через четверть часа из цехов в сторону пристани прошло девять человек, идеальные копии некоторых наших работников. Погрузились на малый баркас да и двинулись по слившимся вместе Жураве и Лияне в сторону просматривающегося издалека Пантеона. Так здесь частенько местные жители Священный Курган именовали.

И за нами от имения никто не увязался, ведь рабочие частенько ездили в столицу за тем или иным заказом для нашей машинерии. А вот в центральной части города мы встретились с трудностями. Негде, оказалось, причалить у речных пирсов. Часть была отведена для имперского флота, часть занимали пожарные службы и к ним приравненные подразделения гигантского города. А все остальное было занято, не протиснешься. А «припаркуешься» далеко, потом топай к святыне не меньше часа.

Кардинально решили вопрос данные мною три золотых. Нас подвели к наружному борту солидного купеческого судна, и мы уже по нему сошли на пирс. При этом хозяева судна клятвенно заверяли, что до завтра оно с места не тронется.

Отец меня за такие траты отругал:

– Я тут каждую копейку экономлю, все в производство вкладывая, а ты ни за что такую сумму вывалил.

– Ладно, па! – объяснял я ему уже на подходе к подошве Священного Кургана. – Будут тебе деньги, сколько надо. Сейчас мне каждый час дорог. Если получу от Лобного Камня дельные объяснения и должные гарантии, то мы с Машкой сразу же отправимся в Герчери. Сам понимаешь, насколько важно вернуться нам именно туда.

– Не заезжая в имение? – расстроилась мать.

– И такое может случиться, – готовил я ее деликатно к скорой разлуке.

Мы подоспели вовремя, хранители только-только открывали первые ворота Пантеона перед несколькими одиночными паломниками. И мы тут же пристроились следом за первыми посетителями.

Имелись опасения, чего уж там, что местная служба надзора разоблачит мои иллюзии, а то и развеет сразу за порогом. На этот случай мы прихватили с собой женские шали, собираясь ими прикрывать лица. Такое поведение несвойственно местным мужчинам, но на крайний случай могло сойти за обычай чужестранцев.

Однако хранители лишь ощупали нас обычным взглядом, всмотрелись в лица и больше не интересовались. Уж слишком обыденно мы выглядели.

А в том, что нас окружающее здание опознает, я ни капельки не сомневался. Точнее, сквозь любую фантомную обманку оно нас рассмотрит без труда, но не сочтет нас агрессорами.

Так и получилось. Не пройдя и полдороги к главному залу Трех Щитов, я услышал у себя в голове посторонний, бесполой голос.

«Твой приход сюда – верный поступок! – началось ментальное общение с неким центральным процессором Кургана. – И ты правильно идешь кратчайшим путем!»

«И не говорите! – не удержался я от толики язвительности. – А то я сам не ведаю, куда идти! Но времени у меня очень мало. Поэтому давай сразу начнем общение на волнующие меня темы. Итак...»

«Прежде чем начать общение, – оборвал меня голос, – ты обязан возложить руки на Лобный Камень!»

«И никак иначе? – стал я сердиться. – Что за формализм и бюрократия?! А если я усядусь вот здесь, на ступеньках, мы разве не сможем общаться?»

«Нельзя! Не положено! – упорствовал голос. – Пройди и возложи руки...»

«А вот не пройду!»

«За неповиновение будут наказаны твои родственники! – сразу прилетела нехилая угроза. – Мораторий на их неприкосновенность будет аннулирован!»

«Даже так?! – замер я на месте. – Тогда мы с ними немедленно отправляемся в империю Герчери. Мы и там неплохо устроимся, да и тамошний курган наверняка будет нас привечать, помогать и поддерживать, а не шантажировать!»

«Ничего у тебя не получится, – было заявлено безо всяких эмоций, голос просто гремел у меня в голове. – Мой резервный аналог никто не имеет права разбудить и задействовать без особых не то полномочий».

«Чего там будить! Уничтожу все орудия, потом взломаю ворота эрги'сами и предоставлю твоему аналогу радость встречи с первым паломником!»

«Ты не посмеешь нанести вред святыне!»

«Еще как посмею! – уже ругался я. – Потому что никто не имеет права угрожать моей семье!»

«Ликвидация моратория – это не угроза. А признание их полной никчемности для системы мироздания. Раз ты отказываешься выполнять данные тебе поручения и задания, очередная зачистка иномирцев их коснется обязательно. А удаление за трехсоткилометровую зону приведет к гибели по причине повышенной агрессивности тамошней среды».

«И все равно я выбираю свободу! – твердо подвел я итоги нашей перепалки и развернулся на месте. – Счастливо оставаться!»

Мои попутчики стояли вокруг меня и молча следили за моей мимикой. Знали о существующем здесь ментальном общении, поэтому догадались, что я не просто так замер на месте.

Идя на такую конфронтацию, я очень опасался неких крайностей. Все-таки данное скопление сотен порталов в иные миры, да еще и ведущее просмотр этих

миров, обладает колоссальными возможностями. И представить эти возможности моему скромному разуму никак не под силу.

Но я надеялся на некое вселенское чувство справедливости и добра тех, кто построил данную святыню. До того они своим пониманием добра меня не разочаровали. И я догадывался, что убивать меня или карать болью никто не станет. Скорей здешний главный процессор продолжит уговаривать, разнообразит угрозы, усилит шантаж или начнет давить на совесть.

Почти угадал. Я уже тронулся с места, когда голос вновь заговорил:

«Есть еще два вопроса, разрешение которых нуждается в твоём личном участии. Первое: тебе следует выяснить, кто, куда и зачем выкрал тебя на три месяца из контролируемых мною миров. Второе: только ты можешь по астральному следу ауры отыскать своего похищенного друга. Леонид Найденев, при попытке перехода из Набатной Любви в мир Трёх Щитов, был похищен неизвестными лицами».

«Еловая жизнь! – завопил я мысленно, вновь замирая на месте. – Как это похищен и почему неизвестными?!»

На три месяца личной жизни мне как-то было наплевать с высокой колокольни. Ну пропали. Ну может, еще кто попробует меня уволочь. Разберусь с этими редискарами – мало им не покажется. А вот исчезновение друга меня прямо-таки взбесило.

Пришло понимание, что и тут моя вина. Наушала Ленку ждать меня, никуда не дергаться. А время-то шло, друг запаниковал в бесплодном ожидании. Решил, что со мной нечто случилось, и, конечно же, сорвался меня спасать. А спасать придется его. Так что по данному вопросу торговаться становится неуместно. Похоже, придется выслушать все, что мне скажут. И там – где положено.

«Подобные тонкости конкретных дел не в моей компетенции, – продолжал тем временем голос. – Мои задачи касаются глобальных дел и доставки информации до избранных в потенциальные хранители людей».

«Ну, так доставляй информацию всю, а не кусочками».

«Все остальное тебе высветит Лобный Камень. Потому что именно он и только он ведет общение с кандидатами в связующие и конструирует для них задания в меру текущей необходимости».

Надо же! Оказывается, мне повезло по кастингу не только в хранители пройти, но и в какие-то связующие подвизаться. А что это за должность такая? Или роль? И дают ли там молоко за вредность? А может, оттуда в тридцать лет на пенсию отпускают? Или надо триста лет без выходных отработать?

Кажется, все эти мои вопросы в моем сознании бесполой голос расслышал. Потому что посоветовал равнодушно:

«Спрашивай все это у Лобного Камня».

Пообщались, называется! Норов показал, независимости и свободы почти добился, а все равно к музыкальному камешку придется на поклон идти. Но это ничего, ради друга я на что угодно готов. А вот мысли о переезде всей моей родни на иное место постарался упрятать на самые глубины сознания. Ведь численность нашего клана в любом случае вскоре должна увеличиться за счет родных и близких Марии, а также Верочки с Катенькой. Я ведь не забыл о возможной угрозе для них со стороны неких негативных структур нашей матушки России. Раз уж мою семью не погнушались третировать и мучить, то и до остальных могут добраться.

Зал Трех Щитов встретил нашу компанию всего парочкой паломников и скучающим хранителем. Наверное, прогуливался следом за самыми первыми посетителями. Другой вопрос, что это оказался мой хороший знакомый Круст из рода Имлов. Он меня первым в этом мире встретил когда-то, приветил, помог устроиться. Поговорить с ним хотелось бы в иной обстановке, но...

Хорошо, что фантомные обманки на нас держались прочно, старший хранитель никого не узнал. Зато сразу насторожился и тоже приблизился к центру зала, опираясь на свой деревянный посох. Ладно, мешать не должен, и то хорошо.

Я сразу двинулся к камню, неощутимо пересек черту, не позволяющую заходить внутрь посторонним, и уже привычным жестом коснулся глыбы неизвестной мне породы. Тотчас грянула музыка, своими торжественными раскатами хлынув в соседние помещения Пантеона, а у меня в голове раздался все тот же

обезличенный, бесполой голос:

«Долго же ты шел ко мне! А ведь должен бежать, ни о чем больше не рассуждая».

Могли бы создатели этого чуда и сделать различия для голосов. Но теперь-то я хоть знал, что здесь имеется как минимум два независимых контура, выдающих информацию друг дружке не полностью, а по частям. Потому сразу и начал с обвинений:

«Твоя музыка порой звучит фальшиво, с помехами. Почему?»

«Некоторые блоки моего организма подлежат замене. Но для всех остальных паломников сбои в мелодии не слышны».

«Неправда, моя мать хорошо слышит все огрехи. Еще в прошлый раз озадачилась скрипом и грохотом».

«Удивительно. Но данный вопрос не к спеху. Сейчас попытаюсь верно сформулировать твое новое задание. Тем более что оно косвенно касается спасения твоего друга. А возможно, приведет к разгадке странного выпадения тебя из сети миров на такое долгое время».

«Но разве ты не ведаешь конкретно, что и как? – не смог я скрыть своего разочарования. – То ты видишь, кого надо убить в Содруэлли, то не замечаешь того, что под твоим боком творится, в самом Рушатроне. Кстати, что мне полагается в награду за выполнение задания?»

«Жизнь твоей родни! – прозвучало циничное заявление бездушной машины. – За то, что ты не убил Первого Лорда, как было приказано, тебя ждало наказание. Но в последующие дни вероятностные факторы сместились в твою пользу, история пошла по верному пути, и лечение признано эффективным, сродни уничтожению. Поэтому недавняя зачистка обошла посторонних иномирцев стороной».

«А что надо сделать, чтобы навсегда ликвидировать угрозу зачистки для моих близких?»

«Ничего сложного. Дождаться лишь моего зова и возложить на меня руки».

«Отлично! Тогда сразу после меня делай их всех кандидатами в хранители! – мой мысленный приказ звучал с максимально возможной силой. – И давай уже персональное задание для меня! Время-то идет».

При этом я старался отгонять от себя понимание силы данной святыни. Для нее мой приказ – что комариный писк над великой местной рекой Лияной. Тем более интригующе прозвучали следующие слова:

«Твоя мать одобрена для призыва. Остальные претенденты рассматриваются».

Это уже звучало обнадеживающе. Избавившись от угрозы зачистки навсегда, жить станет не в пример спокойнее. Хотя я не преминул напомнить:

«Давая задание в Содруэлли, ты тоже обещал неприкосновенность моих родственников. Почему же вновь продолжается оголтелый шантаж?»

«Повторяю второй раз: задание ты не выполнил беспрекословно, поэтому награда тебе не полагается. Мало того, отправился на выполнение не добровольно, пришлось применять методы физического воздействия, за что налагаются строгие взыскания. Вдобавок по твоей вине в портал перехода между мирами угодил посторонний человек. Подобное неповиновение должно повлечь за собой уничтожение этого человека. Он остался в живых лишь по причине твоих с ним родственных отношений».

От такого заявления я не удержался и хохотнул:

«Тупишь, машина! Кто такой барон Белых и Борис Ивлаев? Тебе напомнить?»

«Не стоит. Степень родства мне известна. С некоторой натяжкой его можно назвать свояком. Ибо ваши дети будут рождены родными сестрами».

«Какие дети?» – смех отрезало вместе с приходом мысленного заикания.

«Обе танцовщицы от вас беременны. И теперь считаются в Доме вторыми по значимости лицами после Первого Лорда. Так у них положено становиться

«дважды неприкосновенными» после соития с Каранебес, за которого ты был принят, и соития со «старшим братом» Каранебес, за которого приняли барона Белых».

Ругаться на самого себя – не было сил. И там наследил! Чем только думал в тот момент? М-да! Тем самым местом. Ну а потом чем думал, когда обеих танцовщиц вылечил от бесплодности? Мог бы сообразить о куче сперматозоидов, снующих вокруг излечившейся разом матки.

Оставалось только грустить о появлении новых родственников и делать все возможное для сокрытия этого в тайне.

Чем еще негативным для меня закончилось общение с Лобным Камнем, так это скоротечностью играемой мелодии. Вроде она и дольше прозвучала, зато мы слишком заговорились. А законы жанра менять оказалось нельзя:

«Наша встреча подходит к концу, времени нет. Ты бы мог прийти завтра, но отправляться в путь тебе придется уже сегодня. Поэтому скидываю тебе всю нужную информацию единым пакетом. Упрись в меня и постарайся не терять сознания. Потом посидишь на ступеньках и придешь в себя».

Конечно, я возражал! Потому что хорошо помнил предобморочное состояние после получения пакета инфы для управления лифтами на Дне. Я даже попытался не упереться, а отдернуть руки, но их словно магнитом присосало к поверхности валуна. После чего вилы информационного сквозняка беспардонно пронзили мой многострадальный мозг.

Только и сообразил, что музыка кончилась, надо выходить в сторону. Сделал пару шагов, оказался подхвачен с двух сторон под руки и аккуратно усажен на ступеньки амфитеатра. Затем до меня дошло восклицание мамочки:

– Не бойтесь за меня, все будет хорошо! Я пошла!

И вскоре музыка заиграла вновь. Уже другая, не менее величественная и прекрасная. Но тоже с некоторыми изъянами.

Именно музыка помогла мне прийти в себя, а потом и расслышать настойчивые вопросы со стороны:

– Тебе плохо? Могу дать воды или понюхать целебную настойку. У нас такое редко случается, но мы всегда начеку. Волнение новичков сказывается на них не всегда благоприятно.

Это передо мной стоял Круст и протягивал на выбор две лейзуены. Со сторон возле меня сидели Иван и Эмма. Они держали меня за руки и смотрели с искренним участием. Хранитель меня не узнал, но, поймав мой осмысленный взгляд, заговорил с еще большим воодушевлением:

– Ну вот, все прошло! Да и вообще редко случается, что сразу два претендента друг за дружкой возлагают руки на Лобный Камень. А сама музыка, смею заверить, тоже считается целебной. Многие паломники поправляют здоровье, не тратясь после прослушивания на целителей.

Я согласно закивал и жестами показал, что мне уже хорошо, проблем нет. Говорить не хотелось совершенно. Вторым жестом попросил хранителя отойти в сторону, он мне загораживал вид на картину «Мама, возложившая руки на Лобный Камень». Правда, там виднелась иная женщина, сотворенная маской фантомной обманки, но я-то знал, что за ней – Наталья Ивановна собственной персоной.

Мелодия оказалась вдвое короче, чем моя. Но не успела мать отойти в сторону, как на ее место устремился дед Назар. Его выделение из прибывающей толпы народа поразило и стоящего рядом с нами Круста. Он пробормотал:

– Чтобы три человека возлагали руки друг за дружкой – крайняя редкость...

Я же тихонько приподнялся, жестом призывая Ивана оставаться на месте. Зато подхватил под локоток Эмму, а потом второй рукой маму и, подталкивая их к выходу, зашипел, перекрывая музыку:

– Подозреваю, что здесь может случиться дальше! Так что нам надо немедленно уходить! – Наткнулся на стоящего у нас на пути Феофана и выдал ему распоряжение: – Назара Аверьяновича сразу отправляй на выход! За ним – всех остальных. Сбор – возле входа в ближайшую пейчеру с правой стороны.

– А они...

– Не заблудятся! После возложения они становятся своими для Пантеона. Гораздо более близкими к тайнам, чем ты после Гипны. И учитывай: может и моего отца призвать к себе Камень. И Ивана с Федей. Ну и Марию может побаловать особым вниманием. Хотя ей оно меньше всех надо.

– А нас? – Он указал глазами на свою жену и добавил: – Раз уж мы с тобой.

– Вряд ли. Вы и так местные, вам ничего не грозит. А я договаривался только по поводу людей, прибывших сюда с моей родины.

– Понял, остаюсь здесь.

Мелодия для Назара Аверьяновича окончилась, когда мы прошли второй от главного зал. И тут же зазвучала вновь. Мы чуть послушали и двинулись дальше. Затем – новая мелодия нас догнала своими отголосками. Что не могло не радовать: Лобный Камень во мне заинтересован и старается вовсю.

И в этот момент замерла на месте принцесса. Глаза навывкате, дышит прерывисто и шепчет:

– Я должна вернуться! Меня зовут для возложения рук! – Развернулась и пошла обратно.

Мать заволновалась:

– Я с ней! Она же беременна!

– Не переживай, ничего с ней не случится, – потянул я ее к выходу. – Наоборот, лишь одна польза будет. А нам следует подальше отсюда уйти. Смотри, что делается.

Музыки мы уже не слышали, зато в глаза бросались спешащие со всех ног хранители, направляющиеся в центральный зал святыни. Кажется, сегодняшний день станет значимой вехой в здешней истории. Все рекорды будут... да что там

будут, уже побиты!

Тогда как мое внимание все больше смещалось к пакету полученной информации. Она того стоила.

Глава восьмая

Никто нам праздник не испортит

Выбравшись наружу, мы с мамой отправились к ближайшей пейчере и там затаились. Точнее говоря, упрятались, словно улитки, в небольшой лабиринт из декоративных деревьев. Убедившись, что нас никто не видит, я тут же снял с нас фантомные обманки.

Вскоре к данной местной разновидности гостиниц притопал и довольный дед Назар. Его чуть ли не тотчас догнал Федор Кварцев, наш главный торговец. Потом мой отец показался, на ходу пытаясь отшить от себя сразу троицу приставучих хранителей. Это ему удалось сделать только на широкой лестнице, эспланадой спускающейся в город.

Ивану Круглову пришлось намного сложнее: его преследовало с желанием пообщаться по душам сразу одиннадцать хранителей. Еще бы! Такое неординарное событие, а их потенциальные коллеги сбегают из Пантеона, словно нашкодившие воришки. На такое надоедливое преследование Иван отреагировал довольно бурно.

– Вы не имеете права приставать к прохожим на улице! – наорал он на застывших в недоумении служителей Кургана. После чего сбежал по ступенькам бегом и даже промчался специально мимо нас, дабы сбить желание вновь его преследовать. Чуть позже он вернулся к нашей компании.

А вот Феофан вел себя солидно. Он не стал ругаться с оцепившими его обозленными хранителями, их набралось полтора десятка. Деловым шагом спустился по эспланаде и отправился влево, знаком дав нам понять, что сделает круг и вернется. Будучи местным и неоднократно посещая святыню, он

прекрасно знал, что на улицах города от него отстанут.

Зато наши дамы задержались изрядно. Мы уже и декоративный лабиринт покинули, в своем естественном виде вернувшись к лестнице, а Мария с Эммой все не показывались. Решил, что надо отправляться к ним на выручку, и даже стал подниматься по ступенькам, как обе женщины все-таки появились. Да в какой компании! Наверное, две трети хранителей с ними вышло, да около сотни паломников тянулось следом. Как потом выяснилось, при возложении рук на Камень обе мелодии для них прозвучали уникальные, ранее никогда в Кургане не зафиксированные. Похоже, Лобный Камень не имел права в один день запускать один и тот же гимн.

Принцесса помалкивала, крепко держась за локоток новой подруги, а вот императрица Герчери оказалась в ударе и общалась с окружающими в охотку и с удовольствием. Смеялась, восклицала здравицы в честь Пантеона, жителей столицы, самого Рушатрона и четы местных императоров. Короче, вошла в раж и веселилась от души. То ли особый гимн ей добавил настроения, то ли просто нашло.

Меня она заметила, дала условный знак, что все под контролем, и продолжила общение. Суть его сводилась к следующему: да, она согласна стать хранительницей! Но вначале ей следует сбежать домой, порадовать родственников и уже потом, с родительским благословением она сюда вернется.

- Когда именно? - настаивали приставучие служаки.

- Скорей всего сегодня, максимум - завтра утром! - клялась женщина, хотя никак не могла бы получить благословение родителей за такой короткий срок. То есть она не обманывала, а просто многое недоговаривала.

- А твоя подруга? Почему она молчит?

- Она тоже принадлежит к моему роду. И тоже готова стать хранительницей. Но так как она замужем и ждет ребенка, она должна вначале получить разрешение своего супруга. Уверена, он согласится, и, когда ребенок родится, моя родственница тоже вольется в наши ряды.

Вопросов еще много прозвучало, большей частью о нас.

– Не знаете ли вы тех людей, которые прикасались к Камню перед вами?

– Мы к ним даже не присматривались, – звучал правдивый ответ в нескольких вариантах. – Потому что всем естественным своим отдавались прослушиванию музыки.

Конец импровизированной пресс-конференции Мария положила восклицаниями:

– Все, хватит! Моей подруге становится плохо, ей нужен покой! Пропустите нас!

Естественно, что задерживать беременную женщину даже излишне назойливые хранители не посмели. Зато они придумали, как решить кардинально вопрос с опознанием. Мало того, что сами уже частично рассеялись по лестнице и расположенной внизу площади, так еще с некоторыми гражданскими обывателями о чем-то переговаривались. То есть кровь из носа, но решили обязательно выяснить место проживания сразу двух избранниц Лобного Камня.

Ну-ну! Как говорится, кукурузные початки им в руки, пусть учатся!

Маскируя взгляд, моя жена не упускала меня из виду. И когда я свернул в зеворот выбранной наугад пейчеры, она так же резко утянула туда же и Эмму. Внутри мы с уверенностью прошли мимо стойки с хозяйкой заведения и углубились во внутренний коридор. Потому что были уверены, нас никто не окликнет и не спросит, что нам надо. Раз идут люди с уверенностью, значит, недавно поселились, но оформил их кто-то подменяющий хозяйку.

Да и не существовало воровства в Моррейди как такового. А с приезжими воришками боролись не покладая рук.

В коридоре я несколько раз потискал созданные мною иллюзии, и девушки вернули себе первоначальное обличье, да и платья теперь на них виделись совсем иные, чем на фантомной обманке. Довольно скромные и неприметные, чему мы внимание уделили заранее.

Дальше все было просто. Мария двинулась под стеночкой спереди, а я с Эммой под ручку – сзади. Только и следовало не столкнуться со спешащими нам навстречу хранителями и горожанами. Еще большее их количество скопилось

возле бедной хозяйки пейчеры, они требовали немедленно выдать имена проживающей здесь парочки только что вошедших женщин. Нас, конечно, осмотрели с ног до головы, но приставать с вопросами не стали. И мы спокойно выбрались из столпотворения на улицу. Даже успели пройти по анфиладе площадей метров восемьсот.

А вот там нам вдруг в спину раздалось громкое:

– Мария! Пстой! – Она даже не вздрогнула. Шла дальше, словно глухонемая. – Да пстой же ты!

С этими словами ее обогнал и заступил дорогу... чтоб он был здоров! Опять Круст?! И хуже всего, что он с недоумением поглядывал на крутящихся поблизости Ивана, Федора, деда Назара и моих родителей. Да и на меня смотрел с явным узнаванием. Всех запомнил! Всех зафиксировал и посчитал!

Оглядываться я не стал, просто зашел за спину хранителя и уже оттуда обозрел все пространство. Вроде никто из служителей Пантеона за нами не гнался. А горожан было много, и следит ли кто из них за нами, понять не получилось бы при всем желании. Все свои были рядом, а Феофан, все еще остающийся под фантомной обманкой, довольно грамотно двигался впереди нашей разрозненной процессии. То есть и не с нами вроде, и умело корректировал ход своего движения, просто иногда оглядываясь назад.

Машка тем временем начала разговор:

– Ой, дядя Круст! А вы что здесь делаете? – И строго так спросила, словно тот в чем-то провинился.

– Да вот хочется очень поговорить с тобой... и с твоими родственниками.

– С радостью, но в другой раз. Некогда нам!

– Понимаю. Но хоть пару вопросов задам. – И, не дожидаясь согласия, продолжил: – Нашла своего Борея?

– Более чем! Мы теперь муж и жена, – заявила красавица, многозначительно глядя мимо дяди в мою сторону.

Тот тоже коротко оглянулся:

– А-а... почему же он не рядом с тобой?

– Так надо! – последовал многозначительный ответ. – Для конспирации. Потому что мы здесь – инкогнито! – И тут же сменила тон: – Ладно, мы побежали! Спасибо за пару конструктивных вопросов.

Но Круст вновь загородил ей дорогу:

– Мария, не ерничай. Я догадываюсь, где вы живете, и уже сегодня к вам заявится делегация моих коллег.

– Тем хуже для них. И для тебя: будем знать, кто проговорился. И на этом наша дружба окончится.

– Если мы дружим, то давай поговорим. Некрасиво все-таки так избегать общения. Мои обязанности возлагают некую ответственность и на моих знакомых. А на друзей – в особенности. И мне просто надо выяснить, что сегодня произошло и не повредит ли это Священному Кургану.

– Хорошо, давай поговорим. Но так как у нас нет времени, то сделаем это на ходу. Мало того, ты с нами проделаешь весь путь к Маяку. Согласен?

Хранитель вздохнул с облегчением, кивнул, уступил дорогу и тут же пристроился рядом с устремившейся вперед девушкой:

– Почему вдруг Лобный Камень предложил вам всем возложить на него руки?

– Причина одна: мы честные, добрые и пушистые, – раскрыла Машка великую тайну. – И нам невероятно повезло совершить паломничество вместе. Незабываемые впечатления.

– Верю... про впечатления. Но ты с подружкой в самом деле вернешься, чтобы влиться в наши ряды?

– Дядя Круст! – перешла к укорам моя возлюбленная. – Ну нельзя же быть настолько наивным!

– Тебе не дадут благословения родители? – расстроился служитель.

– Во-первых: они очень далеко. Во-вторых: могут в самом деле не благословить на такое ответственное дело ввиду моих иных многочисленных обязанностей. Ну и в-третьих: как ты себе представляешь среди своих коллег императрицу Герчери, Марию Ивлаеву-Герчери?

Представитель рода Имлов скривился вначале в откровенном недоверии. Потом нахмурился, присматриваясь к личику девушки. Затем забормотал под нос, не в силах совладать с волнением:

– Мария?.. Ну да... Тем более Ивлаева... И тем более ходили слухи, что императрица из бывших наемниц полка «Южная сталь»... И портрет, сходство ведь явное! А я думал, кого он мне напоминает?!

Довольная произведенным эффектом, юная императрица продолжила:

– Теперь понимаешь, почему мы здесь инкогнито? Да и Лобный Камень имел веские причины, чтобы нас выделить из массы паломников. Дружба народов, мир, труд, жвачка... ну и все такое. Политика, короче!

– Мм?.. Ну да... А вот эта женщина кто?

– Принцесса из рода Гентлиц, сейчас перешедшая в род Атлантов.

– О-о!..

Так они и общались: Круст восклицаниями и мычанием, а Машка – делаясь конкретной, тщательно просеянной информацией. При этом несколько раз повторила дяде, что объясняет все по большой дружбе и только для него. Делиться полученными сведениями с коллегами следует вдумчиво, с оглядкой,

чтобы никто потом не обиделся.

А вот когда мы дошли к пирсу, где возле купеческого корабля оставили свой баркас, нас ожидал неприятный сюрприз. Знакомого корабля не было, а на его место швартовалось иное купеческое судно. Благо, что мы сразу догадались спросить у матросов, принимающих канаты с борта:

– Куда делось стоявшее здесь недавно корыто?

– Да отчалило и отправилось вниз по течению. Оно из Тавридских королевств. Вон, уже еле видно вдали, с попутным ветром идет.

Еле, не еле, а с моим биноклярным зрением подлых воришек я рассмотрел отлично. Как и буксируемый сзади на канате наш баркас. И не на шутку разозлился: мы им так щедро уплатили, так они нас еще и обокрасть решили?!

А когда отправил вслед беглецам первый эрги'с, мои родственники не на шутку обеспокоились. Лучше всех понимавшая опасность такого оружия Мария даже побледнела.

– Ты их хочешь утопить? – Она хорошо помнила, что я на такой дистанции разрываю на куски летящего кречи.

– Много чести! – хмыкнул я, отправляя вдале по реке и второй эрги'с. – А вот наказать и заставить вернуть нам баркас обратно попытаюсь немедленно.

Первый посланный заряд разворотил купеческому судну корму. В сторону полетели обломки досок, раскрылись внутренности нескольких кают, из которых выпало имущество и несколько человек. Ведущий к нашему баркасу канат только чудом не пострадал.

Второй заряд вихревым взрывом спутал всю оснастку и парусное вооружение на носу. За борт если и упало, то не больше пяти человек. Все-таки я старался не губить матросов, потому что явно не они решили себе баркас присвоить.

А вот с третьим эрги'сом я послал иллюзию не чью-нибудь, а мадам Грозовой. Да еще в таком взбешенном состоянии, которое пугало даже бывалых ветеранов ее

армии. Правда тетя Апаша только и сумела, что угрожающе приказать громовым голосом:

- Немедленно верните баркас их хозяевам! Не то – пойдете на дно!

И развеялась. Все-таки долго поддерживать сложную иллюзию на таком расстоянии вещь даже для меня непосильная. Но благоприятное воздействие на воришек угроза оказала немедленно. Они тут же сформировали команду гребцов, которые, чуть не ломая весла от прилагаемых усилий, стали грести на нашем баркасе к берегу. Позже стало понятно, отчего такая скорость развилась: на корме восседал Двухщитный, направляющий всю свою магическую силу в двигатель.

Пока они шли к берегу, с борта швартующегося судна раздался всего один вопрос:

- Чего это вы творите? – Уж со своего борта они отлично рассмотрели все мои манипуляции. На что Иван ответил сочувственным тоном:

- Держиморды с того корыта посмели украсть баркас у нашего экселенса.

Больше ни звука не последовало в нашу сторону. А когда наша потеря стала швартоваться с внешнего борта, хозяева корабля гостеприимными жестами и дружескими улыбками разрешили пройти по своей палубе.

Вначале я намеревался с виновников задержки еще и штраф снять, вкуче с моими тремя золотыми. Но, приглядевшись к бледным матросам и красному от переживаний Двухщитному, полному дядечке под пятьдесят, только укорил:

- Вы что, не знаете, что воровать нельзя и опасно для здоровья?

- Мы тут ни при чем! – вроде как искренне оправдывался маг. – Это все капитан, чтоб его, жлоб этакий, зроаки сожрали. У нас во время шторма баркас с палубы сорвало, так он решил таким вот наглым образом восполнить потерянное имущество.

– Ладно, – пожалел я невинных работников морских просторов, располагаясь на нашем плавсредстве. – А назад-то как доберетесь?

– Шлюпку пришлют, потому как все равно в порт заходить надо для основательного ремонта.

– Ничего, пусть ваш капитан раскошелится: жадный вор платит трижды! Или он еще осмелится жалобу подать на нас?

– Еще как осмелится, – пригорюнился мужик. – Слишком много у него здесь высокопоставленных знакомых в имперской администрации. Да и у самого императора бывал не раз на аудиенции, нашего короля сопровождал.

– И охота вам у такого злыдня работать?

– Если жаловаться станет – точно уйдем! – решил маг, а стоящие рядом с ним на палубе чужого судна матросы согласно закивали головами.

– Да чего там, пусть жалуется! – коварно заулыбалась Мария. – Обязательно ему передайте, что мы обитаем в имении Маяк. Чиновники сразу поймут, о ком речь. И пусть сразу подает жалобу на имя императрицы, посоветуйте.

И мы отчалили. А с нами и хранитель Круст, продолживший беседу не только с императрицей, но и со мной.

Глава девятая

Новые кусочки знаний

Домой добрались быстро. Чтобы наблюдатели не поразились насмерть нашим видом, перед причаливанием к пирсу набросил на всех прежние фантомные обманки. Даже для Круста, который уже ничему не удивлялся, некий образ соорудил. Затем внутри имения в собственном обличье сделали вид, что выбрались из цехов, и дружно, быстро, все вместе приготовили обед.

Хорошее получилось застолье, воистину семейное. Да еще после таких положительных эмоций в Священном Кургане. Чувствовалось, что прослушанная музыка нас сделала искренней, ближе друг к другу. Феофан, Иван и Федор уже точно воспринимались как родня, ну а Эмма однозначно попала в круг близких людей нашей близкой родни. Даже впервые среди нас всех оказавшийся Круст походил на эдакого приехавшего в гости издалека любимого двоюродного дядюшку.

Кстати, наш гость все-таки принадлежал к когорте именно старших хранителей и среди себе подобных явно не последнее место занимал. Так что знать он про Пантеон обязан очень много, и я его плавно подвел к мысли: «Хочешь знать о нас? Ответь вначале на все наши вопросы!» Пока плыли на баркасе, окучивал его на эту тему. Пока готовили, за него принялся дед Назар. Ну и в финальной части обеда я приступил к самому главному:

– Дядя Круст, уверен, что Лобный Камень твои мысли не читает. Значит, мы должны тебе довериться и посоветоваться по нескольким важным вопросам. Но вначале ты мне некоторые нюансы растолкуй. Особенно в истории святыни. А то мы даже толком не знаем, с кем или с чем имеем дело.

Хранитель думал недолго:

– Раз вы все здесь мои потенциальные коллеги, значит, не можете замышлять зло против Кургана. И я готов с вами поделиться знаниями, которые мы получаем во время прохождения особой Гипны, доступной только нам.

– Есть и такая? – поразился Феофан.

Оказалось, что есть.

И мы всей компанией погрузились в прослушивание.

Много Круст рассказал, очень много. Но итоги меня все равно разочаровали. Половину я знал, о четверти догадывался, а последней четверти не стоило верить безоговорочно. Вполне могло оказаться, что и служителей Пантеона держат в черном теле незнания по каким-то высшим причинам. Следовало фильтровать каждое утверждение или прозвучавший постулат.

Зато убедился в том, что некие Грибники, порой мною именуемые как Проходимцы, – существуют. Называют их Связующими, их много, не менее ста, и они задействуют своими переходами функции единения между мирами. Живут, как правило, в пустынных мирах, опекаются подконтрольными им ареалами и очень редко устраивают встречи друг с дружкой. Обычно делают это ночами непосредственно в Кургане. При этом убивают всех, кого там застают.

Что характерно, не все Связующие имеют доступ именно в эту святыню. Иные группы собираются в иных Священных Курганах, построенных внутри иных гроздей из миров и вселенных. Старшим хранителям давалась инфа, что подобных курганов – еще восемь штук. Итого – девять. А тот, что находится в Шартике данного мира, является резервным и открывает свои ворота паломникам в случае выхода из строя здешнего, рушатронского.

Местная святыня доставала своими щупальцами слежения и контроля до сорока пяти миров из семидесяти изначально доступных. Утерянные миры, с установленными и там некогда порталами, либо были уничтожены вселенскими катастрофами, либо связь с ними преднамеренно оборвалась живущими там (или погибшими ранее) цивилизациями.

Есть и некая резервная связь, по которой можно достичь миров в иных гроздях. И конечно же, сохраняются тысячи действующих порталов, которые ведут в утерянные Нави. Так чаще всего и назывались миры вообще, по примеру панно на сводах самых величественных залов Кургана.

Интересной оказалась оговорка, что Связующими, на последнем этапе признания, становятся люди, прошедшие некие испытания. Для этого они оставались на ночь в Пантеоне, предупреждая об этом старших хранителей заранее. И чаще всего наутро приходилось выносить их трупы. Последние неудачники зафиксированы семьдесят три и сорок два года назад. Последний выживший, но, как и ему подобные счастливики, пропавший претендент значится в летописи сорок девять лет назад. До него – сто четыре года тому назад.

Прикинув эту никак не оптимистическую статистику, мысленно хмыкнул: «Оно мне надо?! И за сгущенку не соглашусь!» – потом и вслух высказался:

– Да и жить в каком-нибудь пустующем мире – ни за что не согласился бы. Это каким надо быть мизантропом, чтобы согласиться на подобное? – И уже обращаясь к дяде Крусту: – Кем они были? Ну, те, кто сорок три года назад и сорок девять лет назад рвались в Связующие?

– Их характеристики были оставлены предыдущим поколением наших коллег. Описывались кандидаты следующим образом: честнейшие, добрые, веселые, общительные, они совершали геройские поступки. Ушли как минимум Двухщитными. В возрасте чуть за сорок. Многократно были женаты, осталось много потомков.

– Похоже, велось целенаправленное улучшение генофонда данного мира, – с умным видом вставил дед Назар. – Очень правильная политика.

Машка глянула на меня как-то очень нехорошо, но промолчала. А я, не к месту вспомнив танцовщицу из мира Содруэлли, постарался сменить тему:

– Странно, что подобные любители жизни соглашались на изменение своего статуса. Да еще и с пятидесятипроцентным риском для жизни. Или они отправлялись на последнее испытание не по своей воле?

– Сие мне не ведомо. Ни завещаний, ни записок, ни словесных сообщений своим родственникам уходящие «в ночь» не оставляли. И не возвращались никогда. Хотя... – задумался Круст, разглядывая меня с некоторым восторгом. – Если они умеют создавать такие же фантомные обманки, как ты, то могут до сих пор бродить среди паломников, и мы их никогда не опознаем.

Догадка, не лишённая истины. Конечно, при оценке бушующих во мне сил сразу трех Первых Щитов, груана, пояса груанов и особенностей Светозарного могло показаться, что круче меня вряд ли кто отыщется. Но стоило мне вспомнить того же Ястреба Фрейни и его арсенал умения на закате лет, как становилось стыдно за свое хвастовство. Есть, есть в этом мире экселенсы, которые меня играючи положат на лопатки.

И уходящие «в ночь» могли быть такими же. Могут прятаться идеально и маскироваться под кого угодно. И не факт, что давно ко мне не присматриваются. Или вообще не сидят рядом со мной в этом зале!

Последняя мысль заставила совсем иначе взглянуть вокруг. Круст? Еще как похож. Разве ему сложно притвориться каким-то хранителем, а потом словно невзначай помочь наглому иномирцу? Потом и в доверие втереться... Вон почти в родственники затесался! С такого станется!.. Или непохож? Слишком длинная многоходовка получается, бессмысленная.

А Феофан? Он вообще для меня сразу чуть ли не братом стал за час или полтора. Неужели наши симпатии так совпали? Или здесь просто заранее считанная у меня из мозга информация помогла?

Но тогда уж, если быть объективным, надо всех подозревать. Ивана, Федора, родителей, деда и Машку. Про последнюю вспомнить, так мурашки по телу бегут: как она сумела за немислимо короткое время стать императрицей? Какие святыни ее продвигали по карьерной лестнице? И в каждом ли ее слове правда?

Я и сам не без греха. Но именно понимание этого немного успокоило мои фантазии:

«Эк, куда меня занесло! Машка на моих глазах выросла и ни ноготком не могла коснуться здешних вселенских тайн. Да и родители совсем иначе ко мне относились бы, будь у них возможности Связующих. Я ведь их ауры насквозь вижу. Как и ауры остальных здесь сидящих. Пора возвращаться с небес на землю».

– А теперь ты рассказывай, – потребовал Круст. – Что хочет от тебя Лобный Камень, куда посылает, чем недоволен и как награждать собирается? А потом уже вместе подумаем, чем я и мои коллеги сможем тебе помочь.

Я не стал обижать его утверждением: «Помочь вы мне ничем не сможете, лучше под ногами не мешайтесь!» А попросту поведал о сложностях с иномирцами в данном пространстве, о зачистках, про свою миссию в Содруэлли, ну и про сам факт того, что мы из другого мира. В двух словах осветил задание, данное мне Лобным Камнем. Как оно связано с поиском моего друга, разъяснить не удалось. Слишком все запутано и неочевидно. Как и некие косвенные подсказки, где искать виновных в моем трехмесячном отсутствии. В предстоящем кризисе придется разбираться прямо по ходу намечающейся драки.

Также обмолвился о возможном вскоре увеличении родственников в имени:

– Надо будет за ними смотаться и сюда забрать. Сразу, как Леонида вытащим. А то, как и моих родителей, их начнут всякие тайные службы ущемлять. Ибо нет идеального порядка у меня на родине, а наводить его – не год и не два придется.

Хранитель уважительно кивнул:

– Это правильно, справедливость надо везде восстанавливать. – Чуть задумался и добавил: – Что, тоже людоеды жить мешают?

Хотелось возмутиться и ответить отрицательно, но, к огромному своему стыду, вспомнил, что творится местами в Африке да в неких островных банановых республиках. И признался:

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.me/yuriy-ivanovich/bluzhdayuschiy-po-vselennym>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)